

Попасть в сказку

Zамарашка

Алина
Кускова

Алина Кускова

Замарашка

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6572323

Аннотация

После просмотра фильма «Золушка» и столкновения на лестничной клетке со злой старухой-соседкой Наталья Архипова оказывается в сказке перед шваброй с ведром.

Здесь ее зовут Замарашкой-Талией, родственницей хозяев из дальней провинции. Но в этой сказке в отличие от «Золушки» все наоборот. Коварный король двинут на идее захвата чужих земель. Его невеста постоянно занимается боевой подготовкой. Принца нет, зато есть принцесса, недалекая особа с капризным нравом. Отец Талии – лесничий, в молодости гуляка и мот, Талия одна из его внебрачных детей. Мачеха, хоть вредная, но добрая. Вместо дочерей – сыновья. Бониэль готовится стать военным, Миканиэль (отлично разбирается в дизайне, стилистике и шитье) «косит» от армии. Встреча с королем дает Талии возможность побывать особой гостьей на ежегодном балу. Она начинает к нему готовиться и знакомится с герцогом, братом короля. Тут-то все и начинается...

В сказке также задействованы хрустальные туфельки, тыква, пажи, драконы... и фея АЛЬДАГИРА. В отличие от Золушкиной, фея Альдагира – неуспевающая студентка магической академии с

«хвостами», которой в качестве летней практики досталась сказка про Замарашку. Она должна обеспечить сказке позитивный финал. Помощница из нее плохая, так что Талии приходится из многих приключений выкручиваться самой.

Содержание

День 1. Меня зовут Талия. И я живу в семейке Адамс	6
День 2. Хочешь заинтересовать мужчину – удиви его	35
День 3. Держите карманы шире, лапша выдается по тонне на одно ухо	65
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Алина Кускова

Замарашка

alina-zhidkova@yandex.ru

– Ваше Величество, как вам эта?

– Несомненно, есть определенные достоинства, но...

– Хорошо. Тогда посмотрите на эту кандидатуру!

– Эта лучше. Гораздо лучше. Но сможет ли она...

– У меня много вариантов, Ваше Величество. Взгляните сюда.

– Миледи, вы меня восхищаете. Эта – то, что нужно! Но не слишком ли она...

– Ваше Величество, внешняя хрупкость лишь оболочка ее дерзкой бунтующей души. Поверьте, она может перевернуть мир. Я уверена, что это именно она!

– Вы так полагаете? Хорошо, пусть будет эта.

День 1. Меня зовут Талия. И я живу в семейке Адамс

Черные кошки – страшное зло! Особенно вредные и слишком черные. В темноте подъезда их совершенно не видно, и поэтому они бросаются под ноги с активностью самоубийц. Только страдает тот, чьи ноги оказались в погибельной близости. Перепрыгивая кошку, я задела резиновый коврик, откуда с грохотом и звоном посыпались вниз по лестнице миски с водой и едой. А я впечаталась в Светкину дверь боксерской грушей, отскочившей от точного удара. По закону подлости первой на лестницу выскочила не Светка, а ее соседка – вредная бабка с замашками вдовствующей императрицы, глубоко обиженной жизнью и царствующим наследником, и принялась на меня орать как потерпевшая.

– Извините, – сказала я, стремясь мирно уговорить старушку.

Но та продолжала изрыгать яд на меня, на Светку, которая, вот зараза, так и не открыла дверь, на все наше поколение в целом.

– Сейчас же возьми тряпку и помой лестницу, негодница! Мало того, что ты оставила несчастное животное без еды и воды, так еще нагадила в подъезде!

– Я?! Да что вы такое говорите? Это ваша ненормальная

кошка гадит, где попало, и бросается под ноги нормальным людям! Не буду я ничего вам мыть! И вообще это противозаконно содержать животных на лестничных клетках! Они предназначены для другого!

– Для другого?! Для другого?! – злобствовала старая ведьма. – Ах ты, мерзавка, ах ты... замарашка! Я вот тебе покажу! Я тебе такое устрою, мало не покажется!

Она бы набросилась на меня с кулаками, но подруга наконец-то распахнула дверь и показалась на пороге в своем привычно заспанном виде. В отпуске она вела ночной образ жизни, готовясь стать звездой подиума, для чего ей было необходимо сбросить десять килограммов живого веса.

– Че тут у вас? – Светка протерла глаза и зевнула.

– А-а-а-а, – взвилась бабка, переключив внимание с меня на нее. – Еще одна! Я требую прекратить ночные оргии и дать жильцам нашего подъезда спокойно отдыхать перед трудовыми буднями!

– Вы-то где трудитесь? – хмыкнула Светка, запуская меня в квартиру-убежище, – варите приворотные зелья что ли? Служите секретаршей в аду? Читаете лекции в террариуме? Гадюшницам есть чему у вас поучиться...

– Ах ты, мерзавка! – начала старуха.

Светка захлопнула дверь, показав ей язык.

– Старая дура, – в сердцах сказала она, проходя в комнату. – Достала своими придирками. Не обращай на нее внимания, Наташ. Свари нам кофейку, я быстро!

Мы договорились идти в кино на фильм про Золушку, название которого начиналось с заглавной латинской зэт. Но Светка, репетировавшая всю ночь умопомрачительную походку под громкие вскрики любимой группы, разумеется, проспала. Она явно перепутала день с ночью и ночь с днем. Так что пока она собиралась, я успела сварить кофе, выпить его и дождаться такси, на общественном транспорте в кино-театр мы уже не успевали.

Впрочем, мы все равно опоздали.

Пробрались в темный зал, когда фильм уже шел, и сели на пустующие места. Светка сначала поныла, что мы не успели купить попкорна, а затем пристроилась на моем плече и... сладко заснула. Я честно досмотрела фильм до финала с ноющим от неудобного положения плечом, и вздохнула с облегчением, когда в зале зажегся свет.

Мамадорогая!

Это был не тот зал.

Это вообще был другой зал! И Светки рядом не было. А вот обстановочка очень уж походила на ту, которая была в сказке. Что это такое? Придумали какое-то очередное 5D? Спроецировали меня в непонятно куда? О! И я в непонятно чем!

Я поправила складки серого замызганного платица, топорщившегося у самых пяток, на манер подруги потеряла глаза, закрыла их и открыла. Ничего не изменилось. Довольно просторное светлое помещение с плитами, висящими скво-

родками, кастрюлями, вениками сушеной травы и связками лука. С ведром и шваброй в углу. Что за намек?! Я ничего не поняла. Бросилась к распахнутому окну, и в мой нос ударил ядреный аромат роз, растущих у дома. Я подняла глаза вверх – двухэтажный особняк в старинном стиле с претензией на оригинальность. Чудненько! И что все это значит?!

– Ты помыла на кухне пол, Замарашка?! Почему он не блестит? Натри паркет в моей спальне!

В помещение ввалилась толстая особа в огромном старинном платье эпохи непонятно кого с недовольной физиономией учительницы старших классов, измученной выходками молодой поросли.

– Что у нас на завтрак? – масса оброк и рюш подкатила к стоявшей на плите кастрюле, тетка заглянула внутрь. – Манная каша. Какое убожество! Ладно, иди разбуди детей и накрывай на стол! Что ты застыла как статуя Его Величества, не в суге будь упомянуто его венценосное имя. Шагай в спальню!

Ладно, решила я, посмотрю, что будет дальше. Пойду, разбужу детей, мне не трудно. Судя по всему, это две девочки, такие же толстые и вредные как их мамаша. Возможно, проснусь сама, если только это дурной сон.

Я поднялась на второй этаж, словно знала, куда идти, и толкнула первую дверь.

Спальня, точно. Только слишком черная, мрачная и полупустая, ничего лишнего. Девушка явно с готическими на-

клонностями. Яркое пятно – на противоположной от кровати стене портрет молодой особы со вздернутым носиком и неестественно голубыми глазами. Хозяйка спальни что ли? Я бросила взгляд на кровать со спящей девицей и подошла к портрету. Блондинка усмехнулась как Мона Лиза и продолжила флегматично взирать на бытие. Вряд ли хозяйка, решила я, заметив на ее белокурых волосах королевскую тиару. Будь хозяйка королевой, я бы манную кашу не варила. А я варила?! Да я никогда в жизни не варила манную кашу! Я даже не знаю ее ингредиентов.

– Так, хватить дрыхнуть, – я решила не фамильярничать. – Вставай давай, маманька зовет кашу лопать!

И властным рывком откинула одеяло.

– Мамадорогая!

Передо мной предстало мускулистое поджарое тело довольно привлекательного парня.

– Спокойно, – сказала я самой себе, закрывая тело одеялом, – это глюк. Это всего лишь глюк.

Подождала немного и откинула одеяло снова.

Парень никуда не делся, он только открыл глаза и смотрел на меня с нескрываемым удивлением.

– Ты кто?

Голос у него приятный, только грубоватый. Лицо довольно открытое, шея с кадыком, грудь как грудь с редкой растительностью, живота нет, эт хорошо, м-да... одежды совсем на нем нет, эт плохо...

Он отобрал у меня одеяло и накрылся им до пояса.

– Кто ты? Новая служанка? Так какого черта ты лезешь в мою постель?!

– Я не лезу! – возмущению моему не было предела. – Я тебя бужу! По приказу твоей маменьки, наверное.

– Наверное?! – он прищурился и принялся меня разглядывать так пристально, словно сомневался в моей адекватности.

– Короче, – сказала я намеренно грубо, чтобы как-то выйти из этого затруднительного положения. – Вставай и на кухню чапай. Кушать подано, садись жрать, пожалуйста!

Повернулась и вышла.

За дверью выдохнула и схватилась за раскрасневшееся лицо. Еще одной такой сцены я не выдержу, достаточно и того, что теперь обо мне подумает этот кретин. Впрочем, почему же кретин? Милый парнишка на первый взгляд. Кто ожидает в следующей комнате? И вообще, сколько у тетки таких великовозрастных деток? С другой стороны, чего мне стесняться? Я не сама сюда к ним напросилась, это они предприняли невысказанные действия, чтобы вовлечь невинную девушку в жуткие приключения! Манку им вари, понимаешь! Буди их, понимаешь!

Я толкнула дверь и вошла... в розовую комнату. Вдохнула облегченно, здесь-то меня не ждет сюрприз. Портретов было не меньше десятка, все они изображали мужчин разного возраста, но одного социального положения – довольно

состоятельного. Понятно, девчонка хочет выскочить замуж по большой и чистой любви, но за обеспеченного мужика. А ничего мужики, есть на кого полюбоваться, особенно тот, в короне очень хорош. Наверняка, девица в него метит своими амурными стрелами.

Я не смогла удержаться и подошла к туалетному столику. Сколько всяческих безделушек! Потом зайду и рассмотрю обязательно. О, здесь есть зеркало! Очень приятно, главное, вовремя. Я подмигнула своему отражению, держись, мол, а что остается делать? Главное, что я это я, и ни в кого не переместилась, а то, что дом другой, так это ерунда. Что-нибудь придумаю!

Розовый балдахин скрывал от меня лицо спящей красавицы. Несомненно, красавицы, раз у нее такой братик привлекательный. Но лебезить перед ними не буду! Я приподняла одеяло на всякий случай и увидела розовые штаны. Ну, хоть здесь все понятно.

– Бымс! – я поддела пальчиком резинку шелковых штанешек. – Это тебя что ли нужно разбудить, детка?!

Детка открыла глаза и ошеломленно почесала небритый подбородок.

Я пулей вылетела из этого розового помешательства!

И столкнулась с пожилым дядькой довольно хозяйской наружности.

– Ваши?! – мой голос переходил на визг, когда я тыкала ему в сторону спален.

Дядька озадаченно кивнул.

– При-з-знавайтесь, – прошептала я, едва сдерживая злость, – сколько у вас еще детей?!

– Милочка, умоляю вас, не здесь, – он схватил меня за локоть и потащил вниз. – Откуда вам стали известны такие пикантные подробности моей личной жизни?!

Я посмотрела на его перекошенное страхом лицо и поняла, что попала в точку.

– Уверяю вас это сплетни, досужие вымыслы, разве только...но я не уверен, что это мой ребенок...Прошу вас, молчите. Жена сживет меня со свету!

– Договорились, – хмыкнула я с видом, будто мне известна вся его подноготная. – Я молчу, а вы...вы...

– Всяческая поддержка с моей стороны вам обеспечена!

– Ага, я как раз об этом и хотела сказать. Я молчу – вы поддерживаете.

– Клянусь тещей! – вдохновенно сказал отец парней.

– А кто у вас теща? – я заподозрила подвох.

– Старая ведьма, – его лицо перекошилось.

Я сразу поняла, кого он имеет в виду! Бедный, она досталась ему в тещи, какой кошмар.

– Но пассаран!

– О чем это вы?

– Она не пройдет, в смысле, что у нее ничего не выйдет!

– Замарашка! Замарашка! Где ты?! Что ты делаешь, бездельница?! Накрывай на стол!

– О, достойная дочь своей матери, – хмыкнула я.

Хозяин обреченно закивал, соглашаясь со мной.

Когда вся семейка, состоящая из отца, матери и двух парней, собралась за столом, меня представили.

– Наша бедная родственница из дальней провинции, – бросила тетка, указав на меня толстым пальцем. – Будет помогать по хозяйству. Мальчики! Я прошу никаких эксцессов в ее сторону...

– Не волнуйтесь, – хмыкнула я, раскладывая кашу по тарелкам, – лишних телодвижений я не допущу. Пусть даже не мечтают.

Тетка возмущенно вздохнула, мальчики загоготали, дядька смущенно протер салфеткой лоб.

– А она мне нравится, – сказал «розовый».

– Довольно мила, х-м, – выдавил хозяин.

– Есть в ней дебильная непосредственность, – согласился с ними «черный».

Понятненько, кто будет моим врагом номер два!

Итак, я попала в семейку Адамс! То есть в семейку Грэм, но в моем случае это ничего не меняло, за исключением того, что семейством предусматривалась моя эксплуатация в качестве рабыни-прислуги. Уж за какие провинности сослали из дальней провинции бедную родственницу, которую я по злой иронии судьбы замещала, в этот ад, не знаю. Но вляпалась она крепко, я, то есть. За день, который пролетел неза-

метно, я узнала, что отец семейства работает королевским лесничим, мамаша занимается тем, что собирает и передает сплетни, старший сын служит в военной королевской академии, а младший прикидывается полным придурком, чтобы там не служить. И все они добрые милые люди, когда спят лицом к стенке. Кроме того, я стала смутно подозревать, что являюсь побочной дочерью любвеобильного папаши. За что, собственно, меня и приняли в семью. Вслух этот печальный для госпожи Грэм факт никто не подтверждал, но догадаться было нетрудно. Она относилась ко мне так, как относятся дамы ее возраста к девушкам моих лет только в двух случаях: или те их невестки, или падчерицы. Третьего не дано. Так как ее великовозрастные мальчики пока еще были холостяками, полностью подтверждался второй вариант.

Я не просто так сделала акцент на слове «пока». Мальчики, х-м, вот въелось это определение с легкой руки мачехи... Парни наверняка пользовались бешеным успехом у девчонок! Оба высокие, мускулистые, поджарые как племенные жеребцы, с правильными чертами лиц и приятным чувством юмора. Я бы такими братьями гордилась! Впрочем, они и были моими братьями. Я все еще не могла свыкнуться с мыслью, что попала в другой мир. Конечно, у каждого из них были свои тараканы.

Старший Бониэль, я решила называть его Боней, походил на юного солдафона, из которого лепили бравого генерала. Это его комната была декорирована серыми тонами с прису-

щим всем истинным холостякам минимализмом. Я мимоходом поинтересовалась единственным изображением, украсившим стену, на что получила ответ заткнуться и не лезть не в свои дела.

Но младший брат, Миканиэль, я решила называть его Микки, объяснил, что это портрет местной принцессы, которая вот-вот должна выйти замуж.

Принцессы?! Я обомлела от такой несправедливости! В нормальной сказке для замарашки был приготовлен принц! Принц! А не принцесса! Я ж не розовая, хоть розовый цвет очень люблю. Но не на себе потому, что реакция окружающих на меня становится снисходительно-жалостливой. Я ж как и принцесса, тоже блондинка.

Микки меня понял, он сказал, что не понимает страсти брата к безмозглой красавице с огромным приданным. Вот его интересуют исключительно умные мужики. Я хмыкнула, вспомнив про портреты в его комнате. И, разумеется, не стала его разоблачать, хоть сразу поняла, что никакой он не «голубой», а только прикидывается. На этот счет меня провести нельзя! Его заинтересованный взгляд за столом, когда он не сдержался, говорил о многом. Конкретно о том, что его оживляют симпатичные провинциальные девицы с вредным характером. С Микки мы подружились.

Большую часть дня я провела в его комнате, рассматривая многочисленные пузырьки и флаконы. Духи пахли божественно, таких волшебных ароматов я еще не встречала!

Помада была сделана из масла лепестков роз, и ее хотелось съесть. Как приятно должно быть целоваться, когда губы тронуты таким замечательным средством! Нужно будет попробовать. В смысле... да в обоих смыслах, чего уж там. Пудра поражала разнообразием цветов, ее можно было использовать как тени. Тушью для ресниц служила пыльца древесного цветка с труднопроизносимым названием. Все это богатство стоило немалых денег, и было приобретено с целью излечить мальчика от внезапного приступа Божьей немилости. Так здесь называлась склонность к однополым людям. Мальчик пользовался косметикой как попало! Я не сдержалась и показала ему, что с чем следует делать.

Мы сидели и, хихикая, наносили друг другу помаду на губы, когда раздался визг мачехи:

– Замарашка! Обед!

Пришлось прерывать приятную процедуру и спускаться вниз, в столовую.

Особняк был большим, комнат двадцать, по десять на каждом этаже. Плюс к этому парочка гектаров ухоженной земли, на которой росли сад, чернели пашни, и начинался лес. Дом располагался, как я поняла, на окраине столицы, чтобы королевскому лесничему было удобно добираться до угодий. Чуть поодаль от жилого помещения располагалась конюшня, где держали рысаков, изредка напоминающих о себе звонким задиристым ржанием. Собак не было, и кошек тоже, с чем мне несказанно повезло. В кустах роз пели со-

ловьи. Мне хватало птах в качестве домашних питомцев, я подумала о том, что буду их подкармливать, насыпая зерно на подоконник кухни.

В столовой за столом восседала мачеха и недовольно косилась на дверь кухни.

– Здрасьте, – пробурчала я, смутно догадываясь о самом наихудшем, – обед тоже мой?!

– Что у нас на обед, Замарашка? – чопорно поинтересовалась та.

– Манная каша!

Я вспомнила про остатки в кастрюле.

Мачеха перекривилась и приготовилась сказать мне гадость, как за моей спиной раздался спокойный голос Микки:

– Отлично, неси, Талия. Я люблю манную кашу!

Отец семейства со старшим сыном отсутствовали по служебной необходимости. Мачеха половину дня провела у приятельницы, уж лучше бы она там осталась заночевать. Так нет же, приперлась и начала требовать еду. С таким весом есть нужно одни розовые лепестки, да и те покажутся слишком калорийными.

Пока я разогревала манку, только представьте себе это – микроволновки у них не было, в столовой шел диалог матери с сыном.

– Миканиэль, мальчик мой, как ты себя чувствуешь?!

– Прекрасно, ма.

– Что ты делал в мое отсутствие, дорогой?

– Страдал.

– Какой кошмар! Ах, бедный мальчик. Ты страдал из-за того, что подхватил такой ужасный недуг! Ничего сегодня придет доктор Томпаз, он просто волшебник. Госпожа Струве говорит, что он лечит саму принцессу!

– От чего, ма? От недостатка ума? Это бесполезно.

– Как далеко зашла твоя болезнь!

– Болезнь здесь не при чем! Принцесса идиотка. На последнем приеме она додумалась надеть красные туфли под зеленое платье, сочетая все это с желтыми волосами. Она выглядела как клоун. В таком виде нужно бросаться под кареты, останавливая их движение!

– Мальчик мой, а ведь вы с братом могли претендовать на ее руку и сердце! Если бы не все эти заморские женихи. Отчего у Нашего Величества мания выдать замуж принцессу за иноземного принца? Будто в королевстве своих женихов не хватает. Кстати, доктор Томпаз и короля лечит.

– Это говорит лишь о том, что или доктор плох, или болезни их Величеств неисцелимы. Гонор и дурь не лечатся!

– Какой пассаж! Миканиэль, говори тише, нас могут услышать чужие уши.

– Да ладно, чего уж там, мои уши уже ваши, – хмыкнула я и поставила на стол блюда с кашей. – Чай греть?

Мачеха поджала тонкие губы и утвердительно кивнула. Когда я ушла на кухню, она заявила Микки, что у меня ужасные манеры. Тот сказал, что ей придется терпеть, и что лично

для него это приятное разнообразие. Я хмыкнула. Интересно, когда надоест терпеть, куда она меня отошлет? В дальнюю провинцию! Какой кошмар – я подумала ее словами. Что-то больше никуда перемещаться не хочется. И с мыслями об этом заварила приличный напиток.

– Замарашка, сегодня вечером мы приглашены на прием в резиденцию герцога Эдберга. Можешь отдохнуть. Но перед отдыхом...

– Знаю, знаю: вымой, натри, перестели, постирай, погладь, и еще что-то там про семь розовых кустов.

– Ну, ты сама все знаешь, – фыркнула та и поднялась. – А сейчас подготовь мое платье. Я еще не выбрала какое...

– Пойдем, ма, я тебе подскажу.

– Дорогой Миканиэль, это вредно для твоего здоровья. Попробуй лучше подержать в руках рапиру!

– Ма, ты же знаешь, у меня на оружие аллергия.

– Тогда почитай военные мемуары, мальчик.

– Ма... Хорошо, пойду посмотрю, где они у меня валяются.

Мы с мачехой отправились в ее апартаменты. Комнат в ее ведении оказалось три, все большие и просторные: спальня, гостиная и гардероб. Под гардероб была отведена целая комната! Я такой роскоши еще нигде не видела. В этом шкафу можно было потеряться! Леди Грэм и терялась. Она не помнила, где и что висит. И это притом, что одела меня как обо-

рванку! Да в сравнении с ее великолепием мое платье походило на половую тряпку. Обидно! Плохо быть бедной родственницей. Но хорошо быть хитрой бедной родственницей.

– Леди Грэм, вы будете бесподобно выглядеть в синем!

– Это королевский синий, Замарашка. Его любит сам король.

– Вам безумно идет все королевское.

– Ты так думаешь? – она приложила синее платье к себе и покрутилась перед большим зеркалом в пол. – А как тебе черное бархатное?

Ага, тетке не хватало женского общения. Это хорошо, что у нее мальчики, а не девочки. С тремя фуриями я бы не справилась, виват Золушке.

– Черное вас определенно стройнит. А белое делает мо- ложе.

– Какое убожество, она думает, что еще что-то соображает!

– Предполагаю, – я пожала плечами. – Мне-то тяжело судить при таком наряде. Честно говоря, стыдно. Выскочу вот я на улицу, когда мимо дома семейства Грэм будет проезжать король или иноземные принцы...

– Зачем тебе выскакивать?! – испугалась мачеха.

– За хлебом! Не на такси же в булочную ездить. И спросит Его Величество, мол, девушка, кто ты...

– Если Его Величество спросит, нужно будет обязательно присесть, наклонить голову и сказать, что ты Талия Грэм!

Какой ужас! Грэм! Придется тебе выбрать что-нибудь приличное.

И она принялась копаться. Вот так не напомним, ничего не получишь.

Я получила розовое платье в оборочку. Розовое в оборочку с доброй дюжиной рюш!

– Оно уже вышло из моды, – поморщилась я.

– Носи, Замарашка, и радуйся, – изрекла мачеха и сунула еще мне на руки синий королевский ворох. – Погладь!

Честно говоря, я с нетерпением ждала вечера, когда все исчезнут из этого дома. По логике вещей дальше должна была появиться добрая фея, чтобы ввести меня в курс дела и начать помогать материально и морально. Но пока фея задерживалась, я прошла на кухню, нашла гладильные принадлежности и принялась выглаживать наряд мачехи. Утюг, между прочим, постоянно приходилось нагревать над очагом, та еще заморочка.

В один прекрасный момент из открытого окна донесся стук копыт, скрип колес, я выглянула и увидела проезжающую карету. Зрелище неопишное! Красота неземная! Как же я понимала Золушку, радовавшуюся тыкве! Вот мне бы такую же ...

Пока я любовалась на чужой экипаж, запахло паленым.

– Замарашка, где мое платье?! Мы спешим!

Я кинулась к столу, и о ужас. Забыла горячий утюг на ткани. Но у меня дома утюг приличный, он отключается, ес-

ли несколько секунд находится без движения. Здесь такая техника на грани фантастики! Дыра зияла предположительно чуть ниже задницы. Выслушивать ор мачехи не хотелось, гладить еще одно платье тоже. Я перегнулась через подоконник и нарвала веточек роз. Безжалостно втыкая их в ткань, задрапировала дырку, а еще одну розочку прицепила на лиф. Получилась вполне симпатичная композиция. Она обещала продержаться долго, если постоянно не вертеть задом.

Платье я понесла с чувством выполненного долга. Даже помогла мачехе одеться, тем самым отвлекая ее внимание от тыловых розочек. Цветок на лифе ей не понравился.

– Какое мещанство, – сказал она, вдыхая его аромат. Оторвала и выбросила.

Вот стерва, я так старалась. Это она еще не видела букетик сзади. Его никто не увидел, мачеха набросила плащ на голые плечи и направилась к сыну.

Микки выглядел отлично, ему очень шел сшитый по фигуре бархатный костюм лилового цвета. Он не надел розовый! Это лишь подтверждало мою теорию о его притворстве – лишний раз показывать свою сексуальную ориентацию он не собирался.

– На месте принцессы я бы в тебя влюбилась, – я шепнула ему на ухо.

– Будь ты на месте принцессы, – подмигнул мне Микки, – я бы на тебе женился.

Мы, несомненно, нравились друг другу.

Я пожелала приятной поездки и закрыла за ними дверь. Все! Полная свобода! Эй, фея, где ты?!

Пока она носилась неизвестно где, я привела в порядок подаренное мне платье. Если весь мой гардероб будет состоять только из этих двух нарядов, розовое придется носить по праздникам. Я прошла в комнату мачехи, где перед зеркалом постаралась затянуть поглубже корсет, чтобы ее пятидесятый размер сошелся на сорок четвертом. Благодаря этому платью сузилось в талии, а подол расширился и количество рюш стало бессчетным. Я походила на пирожное со взбитыми сливками... Эх, пирожное бы сейчас! А то что за жизнь такая, только каша и каша. Кстати, а что у меня будет на ужин? И куда фея запропастилась? Может быть, она появится на свежем воздухе?

Я вышла в сад и принялась гулять, пытаюсь распознать растения. Но мои познания начинались зеленым луком, а заканчивались мятой, которую ни с чем нельзя перепутать, так что растения, как я сделала вывод, в саду были экзотические. Но вообще-то сад мне нравился, я даже съела пару ягод с куста, кислых, еще незрелых. Больше не стала, боясь расстройства желудка.

Из сада я постепенно переместилась в лес. Наступали сумерки, стояла приятная тишина, благоухали цветы, пели птицы, выл рожок охотника...

Стоп. Охотника? Они что, здесь охотятся? Вот первобытные люди! Что же я гуляю так далеко от дома? Мамадородо-

гая, в какую сторону бежать?! Я еще раз явственно и совсем близко услышала звуки рога и выстрелов, подняла подол розового платья и понеслась назад, перепрыгивая низкорослый кустарник как заправская прыгунья с шестом. А я была без шеста! Только за это меня можно было отправить на сочинскую олимпиаду! Краем глаза с одной стороны заметила, что рядом несется и прыгает еще кто-то! Какие-то кролики. С другой стороны спасались бегством кабан с лисой. Впереди бежали совсем мелкие зверюшки, суслики, наверное. И их пришлось еще перепрыгивать. Всем ведь хочется жить! Убила бы, если бы встретила охотника, устроившего весь этот переполох с забегом на короткую дистанцию!

Дистанция и впрямь оказалась короткой, потому что я выскочила на поляну, преодолела ее одним прыжком и упала на мужчину с ружьем, выступившего из-за дерева. Он со мной упал на землянику, и в этот момент выстрелило ружье, словно запоздавший стартовый пистолет. Я закричала и попыталась спрятаться в его кожаном камзоле.

Через минуту меня встряхнули и поставили в вертикальное положение.

– Откуда она взялась? Из-за нее я упустил кабана!

Стоявший передо мной мужчина потрясал воображение. Высокий стройный брюнет с холодными карими глазами и надменной усмешкой, немного искривившей правильные до невозможности черты красивого лица, смотрел поверх моей головы. А я беззастенчиво пялилась на него, стараясь опере-

дить, какое чувство испытала, когда лежала на нем сверху.

– Кто вы, леди? – властным голосом поинтересовался мужчина.

– Что случилось, Ваше Величество?! – к нам бежали люди.

– Ваше Величество? – обомлела я. – Вот так сходила за хлебушком!

Но постаралась взять себя в руки и вспомнить, что мне мачеха советовала делать при встрече с королями.

– Наташа Архипова, студентка экономического факультета... А приседать обязательно, а то я не знаю как?

Глаза короля расширились от удивления и, как ни странно, потеплели.

– Совершенно не обязательно, если вы носите титул принцессы или герцогини.

– Тогда я, пожалуй, присяду.

Я присела и склонила голову.

– Как вы сказали, вас зовут?

– Ната...Талия. Меня зовут Талия. И я живу в семейке Адамс...в семействе Грэм. Заходите, Ваше Величество, когда выдастся свободная минутка. Это где-то рядом.

– Вы заблудились, леди Грэм? Грэм. Грэм...

– Вероятно, – зашептал королю какой-то толстяк, – это дочка нашего, точнее, вашего, Ваше Величество, лесничего.

– Насколько я осведомлен, – прищурился король, вспоминая, – у него два сына. Один, правда, м-да... Но не мог же он за столь короткий срок превратиться в довольно привле-

кательную девушку!

Упс. А я в его глазах довольно привлекательная! Ваше Величество, надеюсь, вы холостяк.

– Я его дальняя родственница. Из провинции. Из очень приличной провинции, очень приличная девушка. То, что я свалилась на вас, Ваше Величество, чистая случайность.

– Понятно, – хмыкнул он, явно теряя ко мне интерес. – Вы здесь просто бегали на перегонки с сусликами.

Ах, так?!

– Суслики, между прочим, тоже люди! – выдала я сгоряча. – И жить хотят!

– Вам жалко сусликов?! – искренне поразился король.

– И кабана тоже. Он же не виноват в том, что вам приспичило пострелять! Стреляли бы по бутылкам.

– Леди Грэм, – возмущился толстяк, испуганно вставая передо мной, – вы непозволительно дерзки...

– Ничего страшного, – усмехнулся король, – это даже забавно. По каким бутылкам вы советуете мне стрелять, леди?

– По пустым, конечно же! Только это нужно делать на пустыре потому, что осколки разлетаются на порядочное расстояние. Но если у вас в королевстве тяжелое финансовое положение и пустые бутылки вы сдаете...

– В моем королевстве нет тяжелого финансового положения! – высокомерно заявил король и поднял подбородок. – Проводите девушку до дома и отдайте в руки родителей!

– Их нет, – сказала я, боясь, что примутся искать моих

родственников, чтобы передать меня как ценный приз из рук в руки.

Вот достанется мне тогда от мачехи! Нет, она тетка не совсем злобная, но шумит много.

– Как это нет? – вновь задержался король.

– Я сирота. Круглая.

– Хорошо, леди, – нахмурился король, – я провожу вас лично!

– Спасибо за честь, Ваше Величество, – я испугалась еще больше. – Но я сама найду обратную дорогу!

Присела перед ним, вскочила и понеслась в сторону. Мало ли что! С одной стороны приятно, когда тебя провожает до дома сам король, с другой стороны это сущее наказание. Там ведь действительно никого нет! Тогда он точно пошлет за мачехой... Нет, после дыры на подоле ее видеть категорически не хотелось!

– Куда?! – закричали мне вслед, – там самая гуща!

Я резко свернула в сторону и побежала обратно. Проскочила мимо изумленного короля, мимо его людей, мимо поляны и буквально одним махом оказалась в саду. Только здесь, оглянувшись назад, убедилась, что меня никто не кинулся догонять, облегченно вздохнула.

Какая подстава! Вместо феи встретить Его Величество! Интересно, он сразу вышлет меня в дальнюю провинцию или даст еще один шанс показать приличные манеры? Показалось, он обиделся на то, что я могла предположить худшее

об экономическом состоянии вверенной ему страны. Но какой же он красавец! Только холодный как лед, я не слышала стука сердца, когда пряталась в его камзоле.

С такими растрепанными чувствами я зашла в дом и поднялась на второй этаж в комнату Микки, чтобы посмотреть в зеркало и привести себя в порядок. Зеркало действительно отразило симпатичную блондинку, не испорченную хорошими манерами и приличным воспитанием. Теперь придется молиться всем богам, чтобы это приключение не стало достоянием гласности. Как говорит мой папаша, иначе мачеха сживет меня со света. Наверняка по ее мнению, я вела себя с королем дурно. Вряд ли она примет оправдание, что я свалилась на него случайно, а потом еще убежала от него от страха. Может быть, не нужно было убежать? Может быть, у нас с ним любовь с первого взгляда? Б-р-р-р, у него был такой холодный взгляд. Может, со второго? Второй был равнодушный. Но чем-то я его зацепила, раз он согласился сам проводить меня до дома! Зря я убежала! Вдруг бы эти проводы переросли в романтическое свидание?

Мое настроение улучшилось, я начала себе напевать и закружилась по комнате. Подолом случайно задела толстую книгу, она глухо свалилась на пол, и я нагнулась, чтобы ее поднять. Книга лежала раскрытой на одной из последних страниц, там был изображен портрет короля в полупрофиль. Феноменально правильные черты, словно кто-то отмерял их миллиметровым лекало! О правящем короле говори-

лось, что он прекрасный военачальник, глубоко чтящий боевые традиции королевства. Дальше шли даты столкновений с враждующими соседями, напротив каждой извещалось о победе короля Теобора III. Странно, решила я, он не показался мне воинствующим. То, что он любит охотиться и стрелять по бутылкам, мало говорило о его ратных подвигах. Придется поверить книге на слово.

Вторая страница сразила меня наповал. На ней была изображена девушка, с такими же правильными как у короля чертами лица. Ее можно было бы назвать оглушительной красавицей, если бы не надменно поджатые губы и бесчувственные глаза. Жгучая брюнетка нисколько не походила на принцессу! Но она звалась принцессой Эделер враждующего с королем клана. В книге говорилось о том, что три года назад Его Величество заключил выгодную политическую сделку с непримиримым соседом, попросив у того руки его старшей дочери. С тех пор они считаются женихом и невестой и готовятся выбрать дату бракосочетания. Принцесса Эделер воинственна как ее отец, как жених, как сестры и безумно любит охотиться.

Три года! Они ждут три года для того, чтобы узаконить свои отношения или уже живут гражданским браком? Настроение испортилось. Ради чего злодейке-судьбе нужно было знакомить меня с королем, если он уже обручен и вообще! Вообще, король полный флегмат! Зато во мне бурлило возмущение. Я в порыве злости даже спустилась на кухню и

заварила себе чай, нашла какие-то печенюшки и принялась ужинать, рассуждая о том, куда подевалась фея, заманившая меня в эту дерьмовую сказку.

Путем быстрых логических умозаключений я пришла к выводу, что фей здесь никаких нет. Втянутой в это бесперспективное бытие я оказалась благодаря старухе – Светкиной соседке. Светка, тебе-то хорошо, ты сейчас дома дрыхнешь, и ничего тебя не заботит, кроме лишнего веса!

Если бы я знала, что старуха сделала со Светкой, то обрадовалась собственной участи.

Но узнала я о Светкиной беде чуть позже.

Зато моя уже была на пороге.

– Замарашка! Негодная девчонка! Дрянь ты разэтакая! Ты зачем опозорила меня перед благородными людьми?!

– Ну вот, начинается! Эх, Ваше Величество, не умеете вы держать язык за зубами.

Я вздохнула и пошла на встречу семейки Грэм, вернувшейся с приема.

Папочка только зыркнул на меня недовольными глазами и быстро юркнул в свои комнаты. Старший братик Боня сказал: «Гы-гы-гы» и отмаршировал наверх. Микки подмигнул мне и возвел глаза к потолку. Зато мачеха орала, не останавливаясь.

– Негодяйка! Мошенница! Ты за это заплатишь! Я согласилась тебя взять только из жалости!

Микки помог матери снять плащ, она повернулась ко мне

задом...

Разумеется, престарелая красотка крутила задом! Разве я могла в этом сомневаться? Да еще как! Так что мои цветочки отлетели, оставаясь украшать апартаменты герцога. Вместо них в дыре белели кружевные панталоны хозяйки.

– Под синее платье, – глубокомысленно заметил Микки, – следует надевать синее белье, ма. Или черное, – задумчиво добавил он. – Нужно попытаться соединить эти цвета...

– Негодный мальчишка! Как ты смеешь указывать матери?!

– Я всего лишь хотел подсказать удачное сочетание, ма, – он пожал плечами.

– Негодная девчонка, – вспомнила про меня мачеха, – собирай свои манатки и отправляйся обратно!

– Куда? – на всякий случай уточнила я. Вдруг, обратно это домой, откуда меня так безжалостно выдернули.

– В свою глухомань-тьмутаракань! – визжала мачеха.

В своем мире я жила в столице. Понятно, мне крупно не повезло.

– Значит, вы злитесь на меня из-за платья? – уточнила я.

– А-а-а-а, – та округлила и без того круглые глазищи, – ты еще что-то испоганила?!

Хи, я чуть не сказала, что испоганила отношения семьи с королем. Всего лишь.

– Я не вымола, не натерла, не постирала и еще что-то там про семь розовых кустов.

Ну да, я левая и вредная, а не зачем было меня перемещать.

– Какая наглость! Хулю-хулю... – от злости она зашлась, – хулюганка!

И в этот момент в дверь постучали.

Леди Грэм отскочила от нее как ужаленная. Хмурый Микки сам открыл непрошенным гостям. Их было трое, одеты они были как придворные короля, повстречавшиеся мне на охоте. Микки тут же помрачнел, мачеха обомлела, а пришедшие решительно прошли в гостиную и потребовали позвать королевского лесничего. За папашей отправилась я потому, что леди Грэм хоть и прошла за господами, но бухнулась в кресло, словно ее не держали ноги, и начала что-то беззвучно говорить, открывая и закрывая рот. Папаша Грэм неожиданным визитерам чрезмерно удивился и принялся извиняться за то, что сегодняшняя охота короля была испорчена не по его вине. Он в это время отсутствовал, так как загонял для короля дичь. Бедняга, сейчас ему скажут, кто испортил охоту короля! Я тяжело вздохнула, готовясь, по меньшей мере, к препровождению в тюрьму.

– Его Величество король Теобор Третий, – торжественно начал один из гостей, доставая откуда-то белый лист бумаги с каллиграфическим почерком, – изволит пригласить сэра Оттовильда-Карлхом Грэм с семьей на Ежегодный Королевский бал!

– Премного благодарны, – наконец-то произнесла мачеха

и выпрямила спину. – Какая прелесть! Давно пора познакомиться мальчиков с принцессой.

– Премного благодарны, – засуетился папаша, – мы обязательно воспользуемся королевским приглашением!

– Замарашка, – надменно потребовала мачеха, – принеси нам шампанского! И скройся с глаз, негодница, – добавила она шепотом.

– Его Величество изволил сделать саморучно постскриптум, – продолжил глашатай. – Присутствие на балу леди Грэм обязательно!

– Ну, конечно же, я приду, – улыбаясь, поправила прожженное платье мачеха.

– Присутствие леди Талии Грэм обязательно! – уточнил придворный.

Немая сцена.

Учись жить у меня, Золушка!

День 2. Хочешь заинтересовать мужчину – удиви его

Следующее утро встретило меня сначала визгливым голосом мачехи, затем...Х-м, над этим стоило бы хорошенько задуматься, но я была сонная, и мне было элементарно лень. Тем не менее, утро встретило меня на кухне полной кастрюлей манной каши! Я сняла крышку для того, чтобы в этом убедиться, и убедилась. Кастрюля сама варила кашу. В детстве я читала сказку про волшебный горшочек, но не думала, что он существует на самом деле. Но какая злая ирония судьбы! Нет, чтобы горшок варил омаров и лангустов, ладно, на крайний случай, вареную колбасу, так нет же – прет из него манка и прет. А мне-то что делать?! Все королевство ею кормить?

Мачеха недовольно повела носом, инспектируя вверенную мне кухню.

– Манная?!

– Угу, – угукнула я. – Очень полезно для здоровья! Мало калорий и много питательных веществ.

– Чего мало?

– Того, что способствует увеличению веса.

– От нее разве худеют?! – изумилась мачеха и сунула нос глубже.

– Если каждое утро, – я немного подумала и добавила, – день и ночь есть эту гадос... замечательную кашу, то через месяц будешь как тростинка.

Соврала на чистом глазу. А что мне оставалось делать?

– Тростинка? – она скептически посмотрела на меня. Ну, да, я-то худая. – И ты ее ешь?

Я кивнула. Как будто у меня есть выбор. Нет, могу, конечно, еще яичницу пожарить.

– Какая гадость, – поморщилась мачеха и вздохнула. – Разве только что от нее худеют...

Я облегченно вздохнула, мысленно с ней соглашаясь.

Неизвестно, как долго здесь еще находиться, а повар из меня тот еще. Если каждое утро будет встречать меня кастрюлей с манной кашей, то с этим придется как-то жить. Я-то смирюсь, не привередливая, а вот как же остальные члены этой веселой дружной семейки? Повезло еще, что удалось быстро уговорить мачеху.

– От этой еды бравеют! – я плюхнула черпак варева в тарелку Бони.

Семейство расселось за столом и мрачно взирало на нас с кашей.

– Чего делают?! – опешил тот.

Пришлось срочно искать синоним этого случайного слова.

– Бравеют, мужественеют, матереют...

– Храбреют, – подсказал мне Микки.

Славный парень! Он всегда меня поддерживает. Жаль, что нельзя с ним немного пофлиртовать, братик все-таки, хоть только по отцу.

– И красивеют, – хихикнула я, – наполняя его тарелку.

– Какой кошмар! – заявила мачеха. – Замарашка, разве ты не знаешь, что обслуживать следует по старшинству?!

Ох уж эти условности. Конечно, я не знаю ничего этого, в королевских академиях не обучалась. Но тут же исправилась, подала завтрак сначала папаше, затем ей. Себе накладывать не стала, сделала вид, что поем на кухне, как распоследняя прислуга. Сама подумала, что перекушу где-нибудь в кафешке, когда вырвусь из дома. Только следует прояснить мою финансовую состоятельность.

– Э-э-э-э-э, а как на счет карманных денег, господин Грэм?

– Зачем они тебе? – встряла мачеха.

– Прикуплю что-нибудь для бала.

Воспоминание о том, что меня придется вывозить в свет, испортило ей настроение и начисто отбило аппетит. С такими темпами она точно похудеет!

Папаша Грэм наоборот такой перспективе обрадовался, понадеявшись на то, что я смогу устроить свою личную жизнь с каким-нибудь дворянином средней руки. Мачеха возмутилась, сказав, что для средней руки понадобится среднее приданое, а у меня его вообще нет. Лучше меня выдать за королевского повара, чтоб в молодой семье хоть кто-

то умел готовить... И бла-бла-бла, бла-бла-бла, бла-бла-бла.

Приплыли, я бесприданница. Обидно!

Ну что за сказка такая дерьмовая! Ни принца, ни феи, ни средств к существованию. Даже мачеха и та не злодейка! Все не как у людей.

И только я отчаялась, как в дверь постучали.

Звонков у них не было в помине, стучали кольцом-ручкой так, что подпрыгивали половицы второго этажа. Это говорило о том, что заявила важная персона.

Важная персона оказалась прыщавым ядреным крепышом-засланцем, посланцем, то есть, он церемонно протянул мне свиток и слинял. Я выглянула через порог и огляделась – он исчез в никуда. Ладно, с этим тоже придется как-то жить, волшебство тут иногда случается. Я решила, что не стану усугублять и отдам послание папаше, мало ли что там король приказывает. Вполне возможно, что тому, кто вскроет королевскую печать – снести голову с плеч. Мне моя еще понадобится пироженку жевать.

Папаша Грэм раскрыл свиток и зачитал послание.

Нет, дела явно пошли на лад. Меня приказали доставить ровно в полдень во дворец для обучения танцам и певческому мастерству в целях подготовки к балу. Главное, что воодушевило папашу – обучение бесплатное.

Сопровождать меня поручили Микки, девицы тут в одиночестве по улицам не бродили, это было неприлично. Но кто бы раньше мне об этом сказал! С другой стороны, тогда

я бы сидела дома и не встретила короля. А он не пригласил бы меня на бал.

Дождаться полдня мы с Микки не стали. До дворца путь был неблизкий, карету мне мачеха не дала. Микки привел двух лошадей и предложил выбирать.

Я никогда не думала о том, как это страшно – сидеть на лошади, свесив ноги на одну сторону и мысленно молить высшие силы о пощаде. Я такая молодая, мне еще рано умирать под копытами резвого необузданного коня... Но я попыталась взять себя в руки, вспомнив, как мы со Светкой ходили в цирк, и там в перерыве фотографировались возле дрессированных животных. За десятку мужик предложил мне залезть на верблюда и сфоткаться на этом корабле пустыни. Светка завопила от радости, что у нас будут такие ценные кадры, которые мы выставим в «Контакте», и что стоят они всего лишь десятку. Так что я резво залезла на лежащего верблюда... А потом он со мной поднялся на высоту второго этажа, и тогда уже мужик потребовал три сотни за то, чтобы меня с него снять. Фотографии, кстати, вышли ужасные, на всех у меня был крайне ущербный вид. То ли последних сотен было жалко, то ли сидеть на такой высоте было страшно, уже и не помню. Только снимали меня с верблюда всем цирком, то еще представление я дала.

Перед Микки орать дурным голосом, что мне страшно и никаких денег не жалко, но скинь, гад, хоть десятку, я не стала. Сидела, словно проглотила шпагу Бониэля, и мыслен-

но прощалась со своими лучшими годами жизни. Но, честно говоря, потом втянулась и как-то приспособилась к лошади, которая едва поплелась по улице. Только Микки слушала через слово, он рассказывал о наших соседях. Смотрела, как классно он держится в седле, и решала, сколько мне понадобится моральных и физических сил, чтобы этому научиться. Тогда можно сфоткаться и в социальных сетях распространить свой восхитительный образ отважной наездницы.

Перед одним из особняков с высокой кованой решеткой-забором Микки остановился. Мне чудом удалось сдерживать лошадь и встать с ним рядом. Он обратился к прохожему, какому-то слуге с корзиной свежих фруктов, с вопросом, кто теперь поселился в доме сгнувшей ведьмы. У меня мороз процарапал по коже.

Слуга оказался разговорчивым малым и рассказал, что в доме поселилась девица, больная сонизмом. Большую часть дня она спит, ночью спит напропалую, и вообще это ее единственное занятие, и таким оно останется до тех пор, пока ее кто-то не расколдует. Но лезть в дом ведьмы никому не охота, так что спать девице и спать века вечные.

– А, – вспомнила я очередную сказку, – девице нужен принц!

– А кому он не нужен, леди, – хмыкнул слуга, поклонился нам и побежал дальше.

– Да уж, – вздохнула я, мне бы он тоже пригодился. – Но девицу жаль. Бестолковые люди, не знают, что нужно подой-

ти к ней и поцеловать в губы! Тогда она проснется и...

– И? – заинтересовался Микки, с ухмылкой глядя на меня. – И что будет?

– И тогда будет свадьба, – вспомнила я хеппи-энд.

– Свадьба?! – Микки расхохотался. – То есть, если я буду столь милосерден, что зайду разбудить девицу, то, после того, как она проснется, мне придется на ней жениться?!

– Что-то вроде того.

– Ха! Тогда я туда ни ногой. И думается мне, что девице придется проспять всю свою бессознательную жизнь. Дураков, готовых жениться на ком попало, не найдется.

– Может, она очень хорошая!

– А если нет?

Несомненно, логика во всем этом была железная – чисто мужская. Я порадовалась, что не знаю ту несчастную, которая наказана таким ужасным образом.

– Поцелуй, – рассуждал Микки, – подразумевает просто поцелуй. А вы, девушки, считаете его первым шагом к браку. Мужчина, когда целует любимую девушку, поверь мне, Талия, думает не о браке. А уж тем более, если он целует девушку не любимую!

– А как же любовь?! – кипятилась я. – Разве нельзя влюбиться с первого взгляда и сразу понять, что ты хочешь с ней в загс?!

Мы поспорили о любви с первого взгляда до самого замка.

А потом я замерла в немом восхищении. Сколько раз я хотела съездить в Европу и посмотреть на подобное великолепие, но каждый раз почему-то оказывалась на дешевом курорте! И вот моя мечта сбылась: я стою у подножия замка и люблюсь его величественными строениями, башенками, мостами, бойницами-окнами, замысловатой формой крыш, загогулинами горгулий над входом.

– Как красиво, – прошептала я, не в силах отвести взгляд. – Везет же тем, кто там живет.

– Ничего особенного, – пожал плечами Микки, – обыкновенный королевский замок. Он открыт для посетителей по понедельникам с трех до половины четвертого дня, плата за вход символическая – один золотой.

– У меня нет золотого, и разве за полчаса можно все осмотреть?!

– Если задастся целью и приезжать сюда каждый понедельник... Некоторые так и делают, за счет чего полнится государственная казна. Наше Величество довольно предприимчивый правитель.

– Ваше имя! – гаркнул стоящий у ворот стражник и уставился в толстую здоровенную книгу.

– Леди Талия и сэр Миканиэль Грэм, – отрапортовал Микки. – По приглашению короля обучаться вокалу и танцам.

Стражник поискал нашу фамилию, видимо, запись действительно там имелась, и нас пропустили во внутренний двор. Микки спешился и помог мне слезть с лошади. Воз-

ле нас тут же материализовался охранник, который повел к боковому входу в апартаменты. Ладно, ничего, когда-нибудь меня примут и через главные двери. В моем положении сейчас следует хоть за что-то зацепиться. И я зацепилась за руку Микки, так, на всякий случай.

– Как ты поешь? – прошептал он, пока мы шли по прохладным коридорам замка.

– Отвратительно, – честно призналась я. Чего уж скрывать? – Когда пою, жутко фальшивлю. Я и не танцую. Эти обстоятельства, надеюсь, не сыграют со мной злую шутку? Все-таки хочется попрыгать на балу.

– Все гораздо хуже, чем я предполагал, – задумался он.

– Но меня же собираются учить! А я прилежная ученица, в школе была почти хорошисткой. Зараза химичка поставила в аттестат тройка за то, что за мной бегал ее сыночек, а я его продинамила.

– Ты учила алхимию?! – искренне поразился Микки.

– А толку-то? Ничего не помню, кроме формулы воды. Ну, еще знаю аббревиатуру золота...

– Вот видишь, еще не все потеряно. Понимаешь, Талия, тебе придется постараться и показать все, на что ты способна. Королю будут докладывать об успехах учениц, он потребует отчета за потраченные средства.

– Какой-то он все-таки мелочный, – поморщилась я.

– Т-ш-ш-ш.

Мы остановились перед залой в ожидании приглашения.

В приоткрытую дверь я увидела, что она просторная и довольно светлая. Хорошо, уговорил, буду стараться не по мере возможности, а изо всех сил. Мне необходимо попасть на бал! Не знаю почему, но чувствую, что приглашение получила на за красивые глазки. А вдруг именно из-за них?! Было бы хорошо, а то у меня ни слуха нет, ни голоса. Зато есть опыт!

На первом курсе меня из-за внешних данных взяли солисткой в нашу университетскую группу. За отсутствием полного присутствия я стояла на сцене и лишь открывала рот. Правда, я умудрялась не попадать под фонограмму пять концертов подряд, так что моя артистическая карьера завершилась довольно быстро. Зато кое-чему я успела научиться – держать публику в напряжении: попадет или не попадет. С моего рта глаз не сводили!

– Леди и сэръ Грэм.

Нас пригласили. Я переступила через порог и первое, что увидела – роскошные наряды двух других учениц! А на мне розовые рюши и кисейный чепец. Какой кошмар, как сказала бы моя мачеха. Я перевела взгляд на учителя, тонконового плясуна, стоящего в изможденной позе со страдальчески изогнутыми ладонями, словно его били палкой по рукам. Кто знает, может, из-за таких учениц как я и били. Я еще не осведомлена полностью о порядках в этом королевстве. Он не внушал доверия, слишком неестественным было его набеленное маска-лицо.

– Леди Грэм, приятно познакомиться, я сэр Гарвард. Эти леди – сестры Брэмс. Проходите сюда, дорогая, – он пригласил меня к роялю.

Микки прошел дальше и занял места в зрительной части зала, больше похожего на ученический класс, а не на нормальную комнату замка. В центре стоял большой белый рояль. Вокруг него чинно расставили несколько стульев, на которых восседали разряженные рыжие девицы, хихикающие, глядя на Микки. На их фоне даже солнце казалось рыжим, оно нещадно светило из окон, пытаясь дополнить сиянием совершенство интерьерера.

– Что вы нам исполните сегодня, леди Талия?

Снова-здорово! Не успела войти – и сразу приговор! Фонограмма-то есть? Я могу рот пооткрывать.

– Романс. Слова неизвестного, а автора музыки я забыла, – брякнула я. – «Не уходи, побудь со мною!»

– Я не уйду, – отозвался Микки, – не волнуйся.

– «Я так давно тебя ждала». Это слова романса.

– О, великолепно, – обрадовался раньше времени сэр Гарвард. – Начнем, садитесь за инструмент.

– Нет уж, лучше вы садитесь, сэр, я постою.

– Отчего же мне садиться? Будьте так любезны, леди, сядьте сами.

– Вы старше, – упрямылась я, – вам и сидеть! Меня учили место старшим уступать.

– В этом есть разумное зерно, но...

– Никаких «но», я запрограммирована на вежливость.

– Что вы говорите!

– Она несет какую-то чушь, – возмутились сестры-рыжухи и злорадно усмехнулись.

Понятно, конкурентки. Я повернулась к ним лицом, к маэстро задом и толкнула его локтем в живот.

Приятно иметь дело с интеллигентом, он даже не пикнул, согнувшись пополам и упав на стул. Один ноль в мою пользу.

– Начинайте, – важно сказала я ему. – Сейчас я тоже начну. Разомнусь только. А-а-а-а-а-а! О-о-о-о-о-о! Распевка у меня такая.

Микки сидел в лучах солнца и улыбался, чем ободрил меня.

– У-у-у-у-у-у! Сырые яйца есть?

Маэстро испуганно покрутил головой, кладя пальцы на клавиши.

– А свежие пирожные? Они очень хороши для голоса.

Тот кивнул. Я попросила, чтобы принесли дюжину пирожных. Сестры злобно зашушукались. Но маэстро позвал слугу, передал мое пожелание, и тот скрылся с утвердительным кивком. Милые люди! Все у них запросто.

– Начинайте, леди, – отмахнулся сэр Гарвард, – не тяните.

– Не уходи-и-и-и-и, – завывала я как можно старательнее. – Не тянуть не могу, романс тягучий... Не уходи-и-и-и-и! Аккомпанируйте, маэстро, не сидите сычом! Не уходи-и-и-и, побудь со мною-ю-ю-ю! Я та-а-а-ак давно-о-о-о-о...

– Что у вас здесь происходит, господа? Кто мучает несчастное животное?!

– ...Тебя жда-а-ала-а-а-а! – старательно довывела я руладу и оглянулась.

Разуется, я ожидала увидеть поднос со слугой, вернее, его с ним, лучше обоих вместе с пирожными. Но дверь распахнул другой мужчина! Не такой привлекательный как король, а король, несомненно, самый красивый мужчина, которого я встречала на картинках женских журналов, но тоже сдержанно-брутальный.

– ...Здесь так отрадно-о-о-о, так све-е-етло-о-о-о! – проорала я на автомате, не сводя с него взгляда.

– Ваше Высочество! – вскочил сэр Гарвард, – простите, что мы вас побеспокоили!

Высочество?! Ага! Принц все-таки есть! И если к нему хорошо приглядеться, не обращая внимания на недостатки, то он такой обалденный, мамадорогая.

– ...Я поцелуями покрою уста-а-а-а-а и очи-и-и и-и-и...

Да, я хотела обратить на себя его внимание! Две дурынды, приветствуя, чуть не бросились ему на шею.

– Леди? – склонил он на бок свою голову с безупречной волной каштановых кудрей и уставился на меня немигающим взглядом пронзительных карих глаз.

– ...И-и-и чело-о-о-о-о, – доорала я и закрыла рот.

– Не понял, – прищурился он, едва растягивая уголки губ.

Разумеется, я бы тоже посмеялась над своим нелепым ро-

зовым платьем.

– И чело, – охотно повторила я, пытаюсь взять себя в руки. Иногда мне это с успехом удавалось. Например, при общении с королем. – Я поцелуями покрою... и чело тоже.

Свет померк в комнате, видно, солнце закрыла туча или я готовилась к тому, чтобы лишиться чувств. Хоть никогда не делала этого раньше. Девушки приснули от смеха, маэстро схватился за сердце, Микки поднялся и пошел к нам, Его высочество выпрямился и попытался найти выход из затруднительного положения. Еще бы! Не успел войти в комнату, как одна сумасшедшая заявила, что собирается покрыть его поцелуями. Я бы на его месте возмутилась. А на своем позволила бы поцеловать пару раз, просто так, из чистого спортивного интереса. Кстати, об интересе. Интересно, он холостяк?!

– Миканиэль Грэм!

– Герцог Эдберг!

Микки в очередной раз меня поддержал. Он кинулся между мной и герцогом...он всего лишь герцог, как жаль...заслонил меня собой и принялся трясти руку милорда. Они начали разговаривать, как лучшие друзья, а я вспомнила, что семейство Грэм вчера ездило на прием к этому бруталу. Ах, знала бы, что он почти принц, попросилась бы с ними и плевать на эти розовые рюши. Я выглянула из-за плеча Микки и улыбнулась герцогу. Мне показалось, что я сделала это довольно игриво. Вообще, я умею флиртовать с мужчинами,

только до этих дней мне не приходилось этого делать с коронованными и титулованными особами, но жизнь движется вперед, пора расти по карьерной лестнице.

Герцога Эдберга перекосило.

– Не могу слышать, как фальшивят, – заявил он довольно бесцеремонно, – от этого у меня начинают болеть зубы!

Его привлекательность померкла в моих глазах. Он всего лишь герцог! А мнит о себе, будто целый король! Я спряталась за спину Микки и принялась бурно дышать, соображая, какую бы гадость сказать этому нахалу, посмевавшему меня обвинить в некомпетентности. Этот романс – моя фишка! В баре-караоке, куда мы ходим со Светкой, все плачут, когда я его пою! Конечно, я не дура и понимаю, что у меня не ангельский голос, но я столько старания вкладываю в исполнение, что пронимаю до истерик.

– ...А это моя родственника леди Талия Грэм!

Микки повернулся и выставил меня вперед себя.

– Она приехала из дальней провинции. Вчера у нее состоялась аудиенция с Его Величеством, после чего леди Талия получила приглашение на бал в качестве избранной гостьи.

В глазах герцога я увидела неподдельный интерес. Поздно, парнишка, поздно. И волосы у него слишком волнистые, и глаза слишком карие, и фигура слишком спортивная... О, да в нем масса недостатков!

– Избранная гостья? – прошептал герцог, пронзая меня взглядом-рентгеном. – Что же в таком случае она делает

здесь?

– Поет, милорд, – засуетился маэстро. – Когда вы вошли, милорд, леди Грэм как раз исполняла романс неизвестного композитора на слова неизвестного автора «Не уходи, будь со мною».

– Композитор известен, только я забыла его имя.

– У нее нет голоса, слуха и памяти, – восхищенно, как мне показалось, произнес герцог, обойдя вокруг меня. – Нет вкуса, стиля, чувства меры... Миканиэль, этот укор по твоей части!

– Милорд, вы же понимаете, наша матушка довольно прижимиста...

– Значит, – герцог подошел ко мне вплотную, двумя пальцами поднял мой подбородок и посмотрел сверху вниз. – Значит, она бесприданница! Подходит по всем параметрам, – прошептал он.

Мне показалось, что сейчас он меня точно поцелует! Я могла дать голову на отсечение, что он собирался меня поцеловать! И я ничего не понимала.

– Та-ли-я, – протяжно произнес мое имя герцог, не сводя глаз с моих губ. – Довольно странное имя... Но вам оно подходит!

Он мгновенно отпустил меня, отойдя на несколько шагов к двери, я чуть не свалилась.

– Я помешал вашему уроку, – он церемонно кивнул, – удаляюсь. Миканиэль! Нам нужно встретиться! Приезжай ко

мне, как только освободишься. Можешь захватить с собой это розовое недоразумение в кисейном чепце.

Что?! Нет, каков наглец! Не целует, так еще и обзывается! Что-то я совсем размякла...

– А это еще что такое?! – удивился на пороге герцог, за-видев слугу с подносом пирожных.

– Распевка для леди Грэм, – торжественно объявил слуга.

– Однако-о-о. Она может съесть слона!

Я возмущенно фыркнула.

– Ваше высочество, Ваше высочество, – заверещали сестры-рыжухи, кидаясь на Эдберга, – передайте от нас поклоны миледи герцогине!

Естественно, имеется герцогиня, в наличие одна штука под названием «жена герцога». Кто бы мог подумать иначе?! Честно говоря, я надеялась... да что уж теперь вспоминать.

От встречи остался неприятный осадок. После ухода герцога я плюхнулась в кресло и всем своим видом показала, что больше к роялю не подойду. Маэстро взялся за сестер. Те пищали еще хуже меня, но на их зов никто не прибежал. Это радовало. Огорчило то, когда сэр Гарвард поинтересовался знанием азов музыкальной грамоты, я ответила, что нот тринадцать. Это мое любимое число, обычно в пятницу тринадцатого мне чертовски везет. Конечно, я была растеряна и несколько подавлена. Зато сестры торжествовали!

– Старшая Сусли-Кадаржбетта, младшая Энни-Кадаржбетта, обе Брэмс, тоже наши дальние родственницы. – Мик-

ки рассказывал мне свою родословную. Мою, наверное, тоже, только об этом мы не говорили вслух. И без того было ясно, что я внебрачный ребенок нашего папаши. – Довольно странно, что только вас троих собрали для занятий вокалом и танцами. Не могу понять причину.

– Герцог ее знает, – хмыкнула я, – он сказал, что я подхожу по всем параметрам. А к чему подхожу? Микки, слушай, я действительно жутко пела?

– Ну что ты, Талия, у тебя изумительный голос...

– Только не ври!

– Отвратительно. Ты пела отвратительно. Слишком над-рывно и громко. Если ты так же танцуешь...

Что я ему могла сказать?! Что современные танцы подразумевают истеричные подергивания в разные стороны? А на выпускном балу в школе не стали включать вальс в программу потому, что его никто не умел танцевать? Некоторые девочки научились исполнять танец живота только ради того, чтобы от него избавиться. Как-то у нас не принято прилюдно выделять па под музыку.

– Ладно, – сказал Микки, пожимая мне руку, – вечером придешь ко мне в комнату, я тебя научу прилично двигаться.

Знал бы он, как неприлично можно было перевести его фразу в нашем мире!

Я хихикнула.

– Рад, что поднял тебе настроение, – прошептал Микки.

– Господин Грэм, – возмутился маэстро, – вы нам меша-

ете!

– Прошу прощения, – кивнул Микки, поднимаясь. – Я дождусь тебя, только не здесь.

Он ушел, а я осталась на растерзание Суслику и дебелиой Энни, как я назвала сестер-родственниц. Неужели между нами есть что-то общее? Судя по внешнему виду, ничего общего не может быть. Но что-то есть, раз мы втроем повышаем квалификацию. Микки прав, здесь кроется какая-то загадка. С другой стороны, король прижимист, как моя мачеха, зачем ему тратить средства на обучение остальных девиц? А на нас зачем? Нужно будет выяснить.

Впрочем, учебкой назвать наш урок было не правильно. Форменное издевательство, вот что это было. Маэстро заставил нас рисовать на разлинованной тетради нотные закорючки, я пролила чернила и испачкала свое единственное выходное платье. Мачеха сживет меня со свету! Если только я не задрапирую пятно розочкой. Нет, ну какая несправедливость! Одно единственное платье! Худшее наказание для девушки придумать сложно.

Раздосадованная этим обстоятельством я вышла из зала, махнув напоследок учителю носовым платком, найденным в кармане платья. Пока я решала, отчаиваться мне или нет, а танцы я точно завтра не осилю и также опозорюсь, мне встретился Его высочество. Честно говоря, у меня сложилось впечатление, что он специально стоял в соседнем зале, чтобы

дождаться завершения занятий. И то, что он разговаривал с Микки, не в счет. Ну, может же нормальная девушка немного помечтать?

Я замедлила шаг и принялась его пристально разглядывать. Чем он мне мог понравиться? Ведь явно не красавец. Атлетическим телосложением. Его словно лепили для музея античных произведений искусства. Отдаленное сходство с Аполлоном, несомненно, есть: только тот раздет, а этот в камзоле и штанах. О высокие сапоги-ботфорты при его каждом жесте бьется шпага. Какие воинственные здесь мужчины, кроме моего братика Микки. Ну, еще и маэстро слишком хлипкий на вид, его можно одним плевком перебить. Так, еще мне понравились глаза герцога Эдберга. Они такие, такие, такие... Ужас, какие. Словно он видел меня насквозь. Такому мужчине будет очень тяжело врать! А приукрасить обстоятельства я иногда могу. И голос у него приятный, бархатный, обволакивающий, многообещающий... Стоп! Ни к чему хорошему это не приведет. С женатиками я не связываюсь, на женатиков у меня табу, какие бы золотые горы они мне не сулили.

– ...Герцогиня пожелала выбрать для Сумеречной гостиной фиолетовую гамму. Я надеюсь на тебя, Микки. У тебя отменный вкус, отмечающий малейшие нюансы...

Герцогиня! Наверняка вредная и замкнутая особа, только такие выбирают фиолетовый цвет – цвет злодеяния и черной магии. Б-р-р-р, не поеду к ним в гости, пусть Микки завезет

меня домой.

– Талия, – обрадовался Микки, – мы с Его высочеством решили тебя дожидаться!

– Очень мило с вашей стороны, – поморщилась я.

– Тоже зуб разболелся, леди Грэм? – участливо озаботился герцог.

– Челюсть свело от вашего сладкого вида, – буркнула я, шествуя вперед.

– Леди Грэм!

Фиг тебе, не стану оборачиваться.

– Леди Грэм!

Он еще напоминает мне о певческом провале!

– Леди Грэм, в той стороне спальни короля!

Ну и что, я мастерски достаю мужчин из постели... Короля?!

Я резко развернулась и пошла обратно.

– Как себя чувствует миледи герцогиня? – бросила я, проходя мимо Эдберга.

– Замечательно, – с удивлением ответил тот. – Прошлой ночью у нее была лишь бессонница.

– Надеюсь, при этом она не выла на луну? Терпеть не могу, когда воют... на луну. У меня от этого голова болит.

– Талия, – обомлел Микки, – что ты такое говоришь?

– Правду. Ой, смотрите, какая комната прикольная! Здесь можно спрятаться и заниматься чем-то интимным-интимным... М-да.

– Это проходной гостевой будуар, – надменно пояснил герцог.

– Нет, точно, я найду пару золотых для того, чтобы погулять в этом замке...

– Я готов провести для вас экскурс в историю королевства.

Конечно, это он из вежливости предложил, я нисколько не сомневалась. С таким провожатым можно на край света уйти и не вернуться! Только я еще последние мозги не растеряла от его харизматичного образа. Не найду лишние монеты, так завтра спрячусь в будуаре, а когда все разойдутся, погуляю по замку бесплатно! Вот только Микки нужно будет услать, чтобы он меня не дожидался. Прилично одной девушке ходить по улицам или неприлично, дело третье. Женское любопытство – в первую очередь.

Мы вышли из гулких коридоров замка во двор, стражники открыли перед нами двери. Микки что-то сказал, и нам подвели лошадей. Рядом стояла великолепная карета с гербом, на котором был изображен лев, державший в когтистой лапе сокола, их обрамляли шпаги и огненные стрелы. Кони, запряженные в карету, казались огнедышащими скакунами-мустангами по сравнению с нашими клячами. Слуга церемонно открыл дверцу кареты, спустил лесенку и поклонился.

– Прошу вас, леди Грэм!

Эдберг протянул мне руку.

Как же! Ага. Сейчас все брошу и полезу в эту расчудесную

колесницу, чтобы составить чете герцогов приятную компанию на вечер. Замарашка в пятнистых розовых оборках – наилучший собеседник для высокородных господ. Чтобы они лишний раз посмеялись надо мной!

– Ни за что, – сказала я, отворачиваясь от кареты.

– Не понял, – протянул герцог.

Какая дурацкая привычка тянуть слова! Чего тут может быть непонятного – девушка тебя не хочет! Неужели, такому благородному отказывают в первый раз?

– Талия, – встревожился Микки, – с тобой все в порядке? Или разболелась голова?

О, спасибо, милый братик.

– Разболелась голова, – пробурчала я и схватилась за поводья своей кобылы. – Тпр-р-р-у! Стой, парнокопытная!

Следующее действие должно было стать таким: я легко и небрежно прыгаю в седло, на ходу управляя длиннющие юбки, сверкаю изумительной стройностью ножек в замарашковых башмаках и пускаюсь с лошады в благородный галоп. Но как только я подняла ногу, сразу поняла, что ничего из вышеописанного не получится. И табуреточка, поданная слугой, не поможет. Легко и грациозно вскочить на лошадь я не смогу при всем своем желании, ибо не обучена этому, и лошадь вблизи сегодня видела первый раз в жизни.

– Вы передумали, леди Грэм? – по-своему истолковал мое замешательство Эдберг.

В его голосе я услышала ехидство и превосходство.

– Нет, – сказала я, и дабы не усугублять причиненный себе моральный ущерб, взяла поводья и повела лошадь прочь с королевского двора. – Я решила прогуляться! Сегодня отличная погода!

И в это время раздался удар грома, и на меня обрушился ливень. Я могла заплакать от досады, что в этом королевстве у меня ничего не получается, дождь бы смыл следы этой минуты слабости. В любом случае никто бы ничего не заметил потому, что я сразу промокла до нитки. Но я не стала лить лишнюю воду, сжала поводья в кулак и продолжила свое траурное шествие.

– Леди Грэм! – крикнул Эдберг.

Хочешь заинтересовать мужчину – удиви его.

Я обернулась, выдавила из себя улыбку и сказала:

– А я обожаю дождь! Я обожаю гулять в дождь! И еще люблю бегать по лужам!

И пошла дальше, не оглядываясь.

– Слушай, сестричка, у тебя отличная фигурка. Ты специально вымокла, чтобы показать ее герцогу?

– Микки, зря догнал, ты можешь меня не сопровождать. Скачи домой, я скоро буду.

– Скоро?! Тебе придется топтать долго. Мозоли натрешь, не сможешь сегодня вечером учиться танцам.

– А ты меня, правда, научишь?!

– Я же обещал.

– Какой ты у меня хороший, – я бросилась к нему на шею

и поцеловала.

– Телячьи нежности, – наигранно скривился он, – но целовать тебя приятно. Ты сделала это ради того, чтобы герцог приревновал? Тогда промахнулась, сестренка. Вспомни мое амплуа.

– Ты мой брат, – я взяла его за руку и крепко ее пожала, – и я поцеловала тебя от чистого сердца. И ты обыкновенный, Микки. То есть, ты совершенно необыкновенный, не будь ты моим братом, я бы в тебя влюбилась. Да, ты обыкновенный, но это я никому не скажу.

– Разбалтывать чужие секреты нехорошо. Но я тебе один выболтаю. Тобою очень заинтересовался герцог.

– А как же герцогиня?!

– Безусловно, она существенная преграда на пути вашего счастья, – хмыкнул Микки. – Но нет такой помехи, которую нельзя убрать.

У нас говорят также: жена не стена, можно подвинуть.

И я все-таки обернулась.

Эдберг стоял на ступеньках кареты и не сводил с нас пристального взгляда.

Через десять минут, когда нас можно было выжимать, Микки помог мне залезть на лошадь, и мы более-менее благополучно добрались до дома. Дом встретил меня верещанием мачехи:

– Замарашка, что у нас на ужин?!

Странная тетка, пошла бы на кухню и в кастрюлю посмотрела.

– То, что осталось от завтрака, тетушка! – проорала я ей, только зайдя в прихожую, вспомнив свои вокальные данные.

– Какая наглость! – ответила она мне через весь дом, – где это видано, чтобы так хамили!

– Теперь я понимаю, почему ты не пела, а кричала, – вздохнул Микки. – Приобрела дурную привычку. Ма, я хочу манной каши! – прокричал он, после чего повернулся ко мне. – Талия, а нельзя ли действительно приготовить чего-нибудь повкуснее?

И знаете что? Неожиданно мне захотелось приготовить чего-нибудь вкусенького. Ведь к пирожным я даже не прикоснулась, после слов герцога кусок в горло не полез. Я переделалась в серое платье, повесила розовые рюши сушиться в своей комнате, и пошла на кухню. Открыла там погреб и начала ревизию продуктов.

– Салат студенческий!

Хорошо поставленным голосом торжественно произнесла я сакраментальную фразу и плюхнула на стол перед семейкой Грэм салатницу с крупно порезанными овощами из найденной мною в погребе бочки. Следом пошли грибочки, я щедро посыпала их чесноком. За ними на столе материализовалась вареная картошка – да, я потрудила на славу.

– Еще бы селедочки, – улыбнулась я этому изобилию. – Но я нашла мясо!

В погребке висела здоровенная вяленая нога незнакомого мне животного. Пахла она замечательно, так что я порезала ее на ломти и подала на ужин.

– Какое свинство, – поморщилась мачеха, тыкая вилкой в ногу, – окорок еще не созрел.

– Соленое сырым не бывает, тетушка, – важно сообщила я и положила вредной даме пару жирных кусков. – Обожраться! То есть, обкушаться можно.

Бониэль усмехнулся, глядя на все это великолепие, подмигнул мне и принялся наполнять свою тарелку. Папаша Грэм ел все подряд, думается, он даже не замечал вкуса глотаемых блюд, озабоченный чем-то неприятным. Наверное, расходами на меня. Миканиэль начал со студенческого салата, заявив, что всегда предпочитал есть соленые помидоры растерзанными на мелкие кусочки, а ему их подавали целиком. Мачеха опять возмутилась в традиционном стиле.

– Не хотите, – я схватила ее блюдо за край, – наложу манной каши.

– Не-е-ет! – взвизгнула она, вцепившись в другой край. – Я съем эту гадость!

– Зачем же себя насиловать, – я тянула блюдо к себе, – если в горло не лезет!

– Не твое дело, Замарашка! Кашу ешь сама! И худей.

Никакого понимания диетического вопроса у этой мазохистки. Я оставила ее в покое, пошла на кухню и наложила себе здоровенную тарелку снеди. Как же они жили до меня?

То есть, до того, как я слезила в погреб?

– Какой ужас, жжет! Жжет! Дайте воды! Немыслимое количество перца! Я больше не в силах терпеть ее жуткую готовку и отвратительные манеры! – донеслось до меня из столовой.

Ну, ну, хмыкнула я. Никуда не денешься, тетушка, теперь меня обратно в глухую провинцию отправлять нельзя – я выбранная королем гостя. Это вчера я тряслась и боялась, сегодня все изменилось к лучшему! Правда, если прикинуть, что из этого всего лучшего я смогла ухудшить, станет грустно. Но кто не совершал ошибок?! Пусть кинут в него камень!

После ужина, когда семейство разбежалось по комнатам, я поднялась к Микки.

Честно говоря, я думала, что у них очень сложные танцы, но все оказалось намного проще. Выучить все тринадцать, ах, какое все-таки славное число, я не смогла. Но пару осилила.

– Значит так, – сказала я, повторяя урок, – мы становимся напротив друг друга, и ты подаешь мне руку.

Обычно я выскакивала первой на партнера, удивляя его буйной энергией.

– Церемонно подаю, ты так же неторопливо даешь свою! А не суешь ладонь, одновременно задирая ногу, чтобы тут же начать прыгать!

Микки нервничал, ученица из меня была на троечку. А кто ему говорил, что будет легко?! В моем мире ритмичные

оптимистические танцы, а здесь сплошные медленные выкрутасы под музыку. Кстати, музыки у нас не было, Микки напевал мелодии и делал это изумительно. Вот у кого был и слух и голос! Танцевать с ним было очень приятно.

– Знаешь ли, Талия, – задумчиво произнес он, когда наши занятия затянулись за полночь. – Ты не должна привыкать ко мне как к партнеру по танцам. Я постараюсь сделать все невозможное, чтобы не поехать на этот бал. Это тяжело, ведь герцог Эдберг мой приятель, мы вместе ходили в королевскую приходскую школу. Ма выбила место для меня, благодаря своим связям. И он хочет меня там видеть. Но, полагаю, большей частью из-за тебя, дорогая. Скорее всего, тебя будет сопровождать Бониэль.

– Ты не хочешь ехать на бал из-за девушек, которые начнут липнуть к тебе как мухи на мед?

– Все гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд, – прищурился он. – Не знаю, нужно ли тебе это говорить...

– Нужно! Конечно, нужно! Иначе я не усну.

– Хорошо. На ежегодном балу король создает пары.

– Какие еще пары?

– Брачные. Наш правитель самодур, его сестра – самодура. Ты должна это знать, Талия, чтобы их опасаться.

– А внешне они очень красивые, – мечтательно вздохнула я, не придавая особого значения предупреждению Миканиэля. Подумаешь, пары... Здорово, кому-то повезет выскокить замуж.

– Красота обманчива, – пожал плечами Микки и взял меня за талию. – Ты обещала показать, как у вас танцуют вальс.

– Хи, вряд ли у меня получится хорошо, но в общих чертах мы делаем так...

У них этот танец назывался каэлья. Как все-таки тесен вальсирующий мир!

День 3. Держите карманы шире, лапша выдается по тонне на одно ухо

– Это тебя надо разбудить, детка?!

Громовой раскат раздался возле самого моего уха, и тут же одеяло совершило переворот над моим телом. Я открыла глаза и увидела перед собой розовощекую деваху с веснушками и мясистым носом.

– Госпидя, какая немощь, – она скривила толстые, словно накаченные силиконом, губищи. – Приличному булочнику ущипнуть не за что. Даром что мордашка смазливая, а так везде один убыток. Как ты только кастрюлю поднимала? И зачем ты столько манной каши наварила? И когда успела только, спала ведь, как убитая...

– Ты кто? – озвучила я возникший вопрос.

– Коза в манто! Вставай, помогать мне будешь. Леди Грэм приказала! Ты ее послушаться можешь, а я не могу, у меня первый день сегодня рабочий. Мне себя с хорошей стороны показать нужно. И если ты мне в этом не поможешь, – она прищурила и без того узкие серые глазки.

– И что? – я демонстративно перевернулась на другой бок. Она мне угрожает! Не на такую напала.

– Тогда я на тебя ведро ледяной колодезной воды вылью.

И она показала нехилым пальцем на стоявшую у дверей емкость.

Ну и манеры! Ух, да я в такой бочке утону!

– Так бы сразу и сказала, что ты дубль-Замарашка, номер два.

– Это кто тут Замарашка?! – она положила руки на круглые бока. – Я Эммануэль-Лори-Оттава!

– Эммануэль? – я не поверила. – Честное слово?!

Девушка с таким именем ассоциировалась у меня исключительно с родительской эротикой. Как-то в детстве я нашла за туалетным бачком кассету с фильмом, позвала подруг, и мы его посмотрели... Ну, сегодня это не так интересно рассказывать, а вот тогда смотреть было очень любопытно. В глазах девчонок я сразу выросла в старшеклассницу.

– А че мне врать? Никакого резона. Короче, детка, я пошла без ведра. Если опять спать заляжешь – вернусь, окачу. Вот такой должна быть настоящая мачеха!

– Эммануэль, а ты не родственница леди Грэм?

– Не-а. Я родственница Плуто, слуги милорда герцога.

Она так гордо это сказала, словно хвасталась родством с королем.

Дела мои явно налаживались.

Итак, на третий день пребывания в семействе Грэм меня освободили от готовки, ибо давиться манной кашей больше не могли. В мои обязанности теперь входило открывать и закрывать дверь, смахивать пыль и заниматься побегушками.

Жаль, я только вошла во вкус готовки и опять собиралась порадовать домочадцев студенческим салатом с красным перцем.

Как ни странно, на этот раз меня посадили за стол и покормили овсянкой вместе с остальными членами благословенной семейки. Я постаралась вести себя как истинная леди. Главное, учил меня Микки, не спешить, даже если спина уже в огне, и пламя подбирается к мозгам.

– Миканиэль, сын мой, – торжественно начала мачеха, и я догадалась, что ничего хорошего Микки ждать не приходится. – Сегодня придет доктор Томпаз!

– Какая радость, – в тон ей ответил Микки, заметно помрачнев.

– Он обещал принести новые снадобья, созданные лучшими магами королевства!

– Это те, от которых у сэра Струве началась эротомания? – закашлялся папаша Грэм. – И он набрасывался на всех дам подряд, не давая прохода даже болезненным старушкам?

– Фи, какая развращенность! Разумеется, другие снадобья, но, возможно, с тем же эффектом. Миканиэль, дорогой, мы же должны что-то с этим делать!

– Зачем, ма? Мне и так неплохо живется.

– Микки, мальчик мой, ты можешь составить блестящую партию. Принцесса пока еще не замужем! И не смей говорить о ее дурных наклонностях. Она ангел, как Его величество и Ее высочество. К тому же скоро бал! Бониэль, ты го-

товийшься к нему?

– Разумеется, маман, я уже наточил свою шпагу.

– Мальчик мой, ты будешь там флиртовать с девушками, а не сражаться!

– Он наточил шпагу для того, чтобы откупоривать ею бутылки с шампанским, – смеясь, вставил Микки.

– Хочу на это посмотреть, – не сдержалась я.

– Какой вздор, – вздохнула мачеха, глядя на меня. – Придется подбирать Замарашке гардероб. Она же не может выглядеть замарашкой.

– Да уж, – хмыкнула я, – только хрустальные туфельки я не обую. В них бегать неудобно.

– О чем это ты, Замарашка?

Вот заладила – Замарашка да Замарашка!

– Знаете что, леди Грэм, – гордо заявила я, сделав паузу. – Мне не нравится имя Замарашка. Оно не мое! Меня зовут Наташа...Талия.

– О, о, какой пассаж, у нее прорезался голос.

– Он прорезался у меня еще вчера, Миканиэль этому свидетель. И милорд герцог.

Я специально добавила второго, зная, как трепетно мачеха относится к титулованным особам.

– Милорд герцог?! Микки, дорогой, что же ты не рассказал о вашей встрече?!

Она сменила тему, но я была довольна тем, что взбунтовалась. Сколько можно терпеть, ведь я не золушка какая-то

там. Я гораздо изворотливее и умнее.

После завтрака я зашла в мачехе, и та выбрала для меня платье неземной красоты. В том смысле, что краше в гроб кладут. Землисто-серый атлас с немислимыми рюшами, ну, это у них мода такая, я почти смирилась, и стоячим воротником а-ля рассыпанная колода карт. Задуматься над тем, а было ли это сейчас модно или мачеха презентовала мне очередную старинку, я не успела. Она выставила нас с платьем из своих апартаментов, наказав справляться собственными силами. Жадина! Выйду замуж за венценосную особу, я ей это припомню.

Корсета на платье не было, завязок тоже никаких. К тому же оно было велико мне на десяток размеров! Я переделась у себя и зашла в комнату Микки, чтобы показать ему весь ужас создавшегося положения и посмотреть в зеркало на свое убожество. Как ни странно, платье мне шло. Его мраморный цвет выгодно оттенял мои чуть розовые щеки и прелестную перекошенность недовольного лица. Вертясь перед зеркалом, я решила, что во мне, несомненно, есть что-то аристократическое – худоба и бледность, наверное, – так что я могу смело претендовать на титулованного мужчину.

– Восхитительно, – пробормотал Микки, приблизившись ко мне. – Шикарный вид.

Он встал со мной рядом, обнял за талию и посмотрел в зеркало.

– Так гораздо лучше, – внезапно произнес он.

– Как жаль, – выдохнула я, – что тебе нельзя крутить романы с девочками! Особенно сегодня.

– Я о твоём платье, – нахмурился он. – На талии слишком много лишней материи, ее следует убрать. Жаль, что у нас нет времени на перекрой туалета.

Я прихватила рукой ткань, спрятав лишнее за спиной, позволив своей талии показать всю ее тонкость и звонкость, и задумалась.

– Прищепки есть?

– Зачем? – удивился Микки.

– Мне нужны прищепки и плащ. Жди меня внизу, через пять минут я спущусь.

Я кинулась на задний двор, где сушилось белье, постиранное трудолюбивой Эммануэль, и отколола шесть прищепок под ее недовольное брюзжание. Затем побежала в апартаменты мачехи и заявила, что порядочной девушке, приглашенной самим королем, неприлично выезжать в свет без плаща. Мачеха скривилась, но плащ дала. Я повертела его в руках, пытаюсь понять, в чем его проблема, раз он ей не нужен. Внешне плащ был вполне обычным, ярко-алым, бархатным. Разбираться в нюансах было некогда, я поспешила к себе и начала превращение замарашки в красавицу.

Когда Микки сказал про лишнюю материю на талии, я вспомнила наши со Светкой походы по вещевым рынкам. О, это отдельная история, вдаваться в подробности не стану, но

один достойный внимания эпизод расскажу. У какой-то витрины Светке понравился сарафанчик. Честно говоря, ничего особенного в нем не было, но она вцепилась в него суперклеем. Мы с продавцом еле оторвали.

– Девушка, – вещала тетка Светке, – он вам будет велик!

– Да что вы такое говорите, – возмущалась та. – У меня есть глаза, я вижу, что он как раз на меня. Снимите его с манекена, я хочу примерить!

Тетке было элементарно лень раздевать манекен, и она просто повернула его к нам тылом. Понравившийся сарафан на спине был заколот прищепками, что делало его фасон неотразимо стильным и фигуристым. И его пятидесятый размер смотрелся сороковым! Сейчас я проделывала то же самое – закалывала мраморное платье на спине прищепками. Получилось довольно прилично. Я накинула поверх платья плащ... Почему все-таки мачеха беспрекословно его отдала?... Оставалось не показывать никому свой тыл и блистать красотой и хрупкостью фигуры. Помнится, у Дюма в «Трех мушкетерах» был забавный похожий эпизод с перевязью Портоса. Но разве можно было сравнивать мои мозги и мозги литературного персонажа!

Я была уверена, что не попаду в глупую ситуацию. К тому же на улице резко похолодало, словно природа сговорилась со мной действовать заодно.

– Блеск! – поразился Микки, встретивший меня у дверей.

– А то, – удовлетворенно хмыкнула я, чинно вышагивая

ему навстречу.

– Ты волшебница? – прищурился он.

– Нет, только учусь.

– Освободишься, дай мне урок волшебного превращения платья за пять минут. Кстати, у нас есть время решить еще одну твою проблему.

И Микки показал на разношенные башмаки, с которыми я практически сроднилась. Все же в удобной обуви есть свои преимущества.

Оставив дом с чистой совестью на попечение Эммануэль, мы с Микки, который рассчитывал опоздать на встречу с доктором, отправились во дворец продолжать мое обучение танцам и вокалу. Вскочить на лошадь в этот раз мне удалось без особых проблем, если не считать того, что я заехала пятой по лбу несчастному конюху, помогавшему мне в этом нелегком деле.

По пути мы съездили в обувную лавку. Я волновалась, откуда у Микки деньги на туфельки, но в лавке вели общий счет на семейку Грэм. Этим нужно было воспользоваться!

Товара в лавке было много. От пола до потолка стояли стеллажи с обувью, занимавшие все свободное пространство помещения. Сапоги мне не понравились, женские они делать не умели, а мужские выглядели как ботфорты. Я решила, что как-нибудь забегу и куплю две пары для нас с подругой. Не возвращаться же домой с пустыми руками! А вот туфельки манили приятным разнообразием.

Перемерив кучу разнокалиберной обуви, я вздохнула. Не подходило ничего! Ничего! Представляете?! Нет, с размером все было в порядке, мой тридцать шестой вовсе не Золушкин тридцать третий. Но! Моя нога была гораздо уже предлагаемой обуви.

– Седьмая полнота, – твердила я продавцу, тщедушному старику с седой бородой и усами. – В итальянском бутике я мерила туфли с этой полнотой, и они мне подходили! Нет ли у вас поуже?!

Старик молча разводил руками, и я горестно смотрела на бархатные, атласные, кожаные туфельки с розочками и пряжками, с каблучками-рюмочками и тоненькими шпильками.

– Нет ли чего-то особенного, сэръ Пикфорд? – нахмурился Микки, помогавший мне переобуваться. – Я вам буду очень признателен. Моей сестре необходима новая пара туфель!

Я сидела на мягком удобном пуфике в дорогом магазине, красивый парень сидел на корточках рядом и нежно держал мою ногу, прижимая к своей груди, старик суетился, подыскивая новые пары, я могла купить себе любую... Светка бы обзавидовалась! А я чуть не рыдала.

– Какой пассаж, – как бы сказала моя мачеха.

– Есть спецзаказ для двора Его величества, – пробормотал Пикфорд довольно растерянно. – Мне думается, пара подойдет вашей сестре. Но...

– Несите! – приказал Микки. – За тройную цену.

– Матушка тебя убьет, – прошептала я, восхищенная его поступком.

– Она меня любит и простит, – хмыкнул он.

Мачеха на самом деле была не такая страшная и опасная, какой хотела бы казаться.

Пикфорд принес из соседней с общим залом комнаты картонную коробку глубокого синего цвета, всю усыпанную мелкими белыми лилиями, и со вздохом протянул мне.

Я схватила коробку, раскрыла ее и...

– Хрустальные туфли!

Разочаровалась.

Вы представляете, как ходить в стекле?! Я не представляла!

Микки аккуратно обул меня и поставил на ноги.

– Они разобьются, если я сделаю шаг?

– Рискни.

Я рискнула. Шагнула вперед, назад, покрутилась, прошла от зеркала до зеркала. Туфли за счет серой бархатной подкладки мягко облегали ноги и казались легкими, словно были из ткани. Каблук-рюмочка, розочки, изумительный блеск, ко всему прочему, они пришлись впору – деваться было некуда. Когда я шла, слышала за собой особенный хрустальный звон. О, это намного интереснее ароматного шлейфа духов!

– Поставки из страны Оз? – поинтересовалась я у Пикфорда.

– Из королевства Хрустальных Гор, – он пожал плечами.

– Там есть рудники с особым сортом, – подхватил меня Микки под руку, – я тебе потом расскажу. Это особый хрусталь, он не бьется. Надеюсь, двор Его величества подождет следующую партию.

– Вам будет это дорого стоить, Миканиэль, – прищурился старик.

– Ничего, счастье сестры дороже.

Когда мы вышли, я его поцеловала! По-сестрински. Не в засос. Но в губы. Мне показалось, что ему было приятно.

В новых туфлях я стала гораздо легче. Вообще показалось, что я летаю. Я легко запрыгнула на лошадь сама и выпрямила спину. Королевишна чего уж там! Везите меня к королю!

Но во дворце меня ждал полный облом.

Когда мы прошли пропускной пункт, поднялись наверх, зал для занятий оказался заперт. Микки сверил часы с королевскими курантами, время совпадало. Иногда Его величество, как рассказал братик, приказывал передвигать стрелки часов. Делал он это в тех случаях, когда ему было выгодно. Хотел продлить охоту или увеличить трудовые будни – безжалостно вращал стрелки. Что-то типа нашего летнего и зимнего времени, только в более уродливом воплощении.

Сегодня время шло своим чередом, но меня поражало отсутствие сестер Брэмс и опоздание сэра Гарварда. Нам при-

шлошь топтать в присутственный зал, чтобы найти учителя. Он был там! Разговаривал с герцогом Эдбергом, подобострастно заглядывая тому в глаза. Я прошла через толпу придворных, льстиво раскланивавшихся мне вслед, остановилась возле сладкой парочки и мстительно толкнула локтем в спину Гарварда. Микки захихикал позади, придав мне уверенности.

– Что все это значит, сэр Гарвард?! – возмутилась я, не достаивая взглядом герцога.

– Леди Грэм?! – удивился Эдберг. – Миканиэль! Дружисьце, рад тебя видеть!

Меня, значит, не рад.

– Леди Грэм, что вы себе позволяете? – возмутился Гарвард. Но я не дала ему времени возмущаться рядом с титулованной особой и отвела к окнам, где народа было меньше. – Где ваши приличные манеры? Где девичья скромность?!

– Дома забыла! Так же как и вы то, что час назад должны были меня учить вокалу и танцам.

– Леди Грэм, – Гарварда перекосило от радости. – Его величество решил, что вы великолепно подготовлены и никаких занятий вам больше не требуется!

– Что?!

– То, что вы слышали, леди Грэм!

– Ничего не понимаю, – прошептала я, отпуская рукав сэра Гарварда, который до этого довольно крепко держала, опасаясь, что тот вырвется на свободу.

– А вам ничего понимать и не нужно, – довольно сообщил учитель. – У вас по всем предметам двойки! Вы отвратительно поете, голубушка, и еще хуже танцуете.

– Меня отчислили за неуспеваемость?!

– Напротив. Своей неординарностью вы понравились королю, и он сократил количество уроков.

– Король на мне сэкономил?!

Поистине не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

– И что же я буду делать на балу?!

– Все то, что выделявали на глазах Его высочества герцога!

Самодовольный болван! И он был моим учителем?! Ничему хорошему он меня не научил, а наверняка содрал с короля невыносимую плату за урок.

– За сим с низжайшим почтением, – скривился учитель и быстро скрылся в толпе.

Я ничего не понимала. Получалось, что мое образование вполне устраивало короля. То есть, его фактическое отсутствие. Но откуда он узнал, что я ничего не умею? Ясно, братец сообщил. Не мой, а его, герцог Эдберг собственной персоной. Тот много чего вчера видел. Представляю, как он ржал, когда рассказывал королю о моем романсе! А потом они ржали вдвоем! Впрочем, неприлично думать об особах королевской крови как о жеребцах. Хотя, Эдберг породистый норовистый жеребец, так и бьет копытом возле меня! И чего ему только нужно?

– Леди Талия, сегодня вы восхитительны.

– Спасибо, милорд.

– Миканиэль, я повторяю свое приглашение на ужин. Надеюсь, тебе составит компанию эта прекрасная дама в пурпурном плаще.

– Я не ем после шести, – пробурчала я, чувствуя, что начинаю оттаивать после его комплиментов.

– Не вижу проблемы, – хмыкнул герцог. – Я договорюсь с королем, и шесть часов вечера никогда больше не настанет!

Ох уж эта вседозволенность! Тоже наверняка начинали с демократии.

– У вас новое платье, дорогая Талия, – смирил меня быстрым взглядом Эдберг. – И плащ...

Ему явно чем-то не понравился мой плащ.

– И туфли! – я кокетливо выставила вперед ножку в хрустале.

– Такие туфли носит принцесса, – довольно прохладно сказал герцог. – И, леди Грэм, снимите плащ.

– Ни за что. Мне холодно. И вообще я не собиралась здесь задерживаться...

Но задержаться мне пришлось потому, что в присутственную залу вышла принцесса. То самое белокурое создание, чей портрет украшал стену одного из моих братьев. Это была эфемерная дива с голубыми глазками и пухлыми губками, мечта мужчин всего мира. Я перевела взгляд на Микки, он хмурился.

– Лаурина! – позвал ее герцог, – позволь представить тебе моих друзей – брата и сестру Грэм.

Воздушное облако в голубых шелках подплыло к нам и скривило милую радостную рожицу, выразив искреннюю симпатию Миканиэлю. Меня принцесса не замечала в упор. Да и ладно, не очень-то и хотелось.

– Ваше высочество, на улице холодно.

К принцессе подошла пожилая дама и накинула ей на плечи... мой красный плащ.

Так вот в чем подвох! Плащ был не мой, их было два.

– Видишь, Микки, – кивнул герцог. – Королевской семье катастрофически не хватает собственного портного.

– Стилиста, – подсказала я более приемлемый для Микки вариант.

Голубая в красном принцесса уставилась на меня удивленно и обиженно, словно я отняла у нее любимую игрушку. Она выпятила нижнюю губу, та задрожала... А она еще не видела моих хрустальных туфель!

– Снимите плащ, леди Талия, – прошептал мне Эдберг.

– Ни за что!

– К чему такое ослиное упрямство? Извини, дорогая Лаурина, мы вынуждены отойти на минуту...

Он обнял меня за талию и повлек прочь из зала.

– Господи, какая же вы костлявая! А на первый взгляд и не подумаешь...

А нечего хвататься за мои прищепки! За меня, то есть.

Эдберг остановился только на улице, вытащив меня из дворца через парковую дверь.

– Где вы взяли этот чертов плащ?! – прошипел он гневно.

– У мачехи!

– Леди Грэм не могла вам его дать, она знала, что такой же презентован принцессе королем Уильямом!

– А ей как он достался?!

– Сэр Грэм выстрелом остановил бегущего на нашего гостя кабана.

– И что теперь?

– Вы должны повесить этот плащ на дальней вешалке и больше к нему не притрагиваться! Чтобы не досаждать своим видом королевской особе, у которой красный цвет любимый.

– Ну да, каждый дурачок любит красный клочок.

– Что вы сказали?!

– Это не я сказала, это народная пословица.

– Надеюсь, его выпороли?

– Кого?

– Народ! За такие пословицы. И вам не мешало бы дать хорошую взбучку, леди Талия. Вы своенравная взбалмошная особа, готовая...

Внезапно герцог отступил от меня на пару шагов и потрясенно договорил:

– ...готовая перевернуть мир.

– Да, я такая, – я выставила вперед ногу в хрустальной ту-

фельке и несколько раз постучала ею по камням площадки. – И вообще я не виновата, что ваш гость король как-его-там притащил с собой вместо приличных подарков одинаковые плащи и принялся раздаривать их всем подряд! В порядочных государствах так не делается. Королям и президентам дарится эксклюзив! У меня плащ, между прочим, единст... любимый! Этот плащ!

– Как я мог забыть, – расстроено бросил герцог. – Не волнуйтесь, леди Талия. Завтра я все улажу.

– А я и не волнуюсь.

– Вот и хорошо.

– Замечательно просто!

– Вы можете промолчать?!

Несносные существа, эти мужчины. Они мнят себя лучшей половиной человечества. А если мужчина красив и богат, знатен и знаменит, то предела его произволу не видно в обозримом пространстве. И все рядом с ними – молчите, несчастные. Трепещите и внимайте его правильным речам.

– Снимите плащ, я вам сказал, – герцог встал рядом со мной и досадливо дернул мой бархат.

К нам шествовала принцесса со свитой. Разумеется, она была в красном плаще!

– Может быть, мне вообще перед вами раздеться полностью?!

Герцог ошеломленно уставился на меня немигающим взглядом.

– Шутка, – на всякий случай сказала я. – А там ваша племянница.

– Талия...

– Что, Ваше высочество?

– Ничего.

– Вот и поговорили, – вздохнула я.

Принцесса подошла к нам и взяла герцога Эдберга под руку, разлучая нашу прекрасную пару. Я молча проводила их взглядом, а потом ко мне подошел Микки.

– Я посоветовал ей приглядеться к черному цвету, блондинкам он идет. Но принцесса заявила, что не хочет раньше времени одевать вдовьи наряды. Она сказала, что черный ей понадобится после того, как ты выйдешь замуж.

– Я?!

– Странное заявление, – наморщил лоб Микки.

– А когда? А за кого конкретно, она не уточняла?!

– Сестренка, успокойся. Она глупа... А она не так глупа, как я думал...

– Ты что, в нее влюбился?

– Глупости. Я не смогу любить девушку, надевающую красный плащ поверх голубого платья.

– Вот и хорошо.

Знала бы я, что все плохо! Плохо потому, что, во-первых, прекратили уроки, во-вторых, я не понравилась принцессе.

– Пойдем отсюда, – я взяла Микки под руку и поцокала в сторону ворот.

Хрустальные туфельки переливчато зазвенели...

С принцессой мы обернулись одновременно. Я столкнулась с ее ненавидящим взглядом.

Нажила себе еще одного врага. Вот не везет-то.

Поездка во дворец и очередной отказ ужинать с герцогом меня доконали. Мужик что, не понимает, что его не хотят видеть?! Настаивает и настаивает. Конечно, судя по моей комплекции можно домыслить, что я год питалась одной манкой. И кто-то может испытывать жгучее желание меня накормить до отвала для того, чтобы я влезла в мачехино платье без прищепок, так, чтоб оно по швам трещало. Но представляю физиономию герцогини, не к ужину она будь помянута. Я ж девушка прямая, флиртовать исподтишка не умею. Как начну, так начну, редко меня кто сможет остановить. А герцог очень даже привлекательный мужчина, породистый, весь в короля. Только проще и гораздо интереснее. Нет, мне нельзя в него влюбляться! Конечно, я его хочу видеть. Но не за ужином.

Лучше бы я хотела узнать, зачем вся эта каша с перемещением заварилась! Если сделать первые мысленные наброски, получалось следующее. Готовить я не умею, значит, не для того, чтобы семейка Грэм набрала с моей помощью лишние килограммы. Служанка из меня никудышная потому, что я ленива. Сажать семь розовых кустов и перебирать пшено ни за что не стану без серьезной побудительной причины. Од-

ного приказа мачехи для меня явно недостаточно. Вот если бы появилась фея и сказала:

– Наталия, если ты переберешь два мешка пшена, то конец света в отдельно взятом мире не состоится!

Тогда бы я задумалась над грядущей перспективой. Пшено и конец света, одно другого стоит.

В качестве невесты для своих братьев я тоже не гожусь, инцест и все такое, любому дураку ясно, что дело темное. Значит, я должна кого-нибудь спасти. Кого? Вот в чем вопрос. Вокруг меня живут и благоденствуют прекрасные люди, в полной гармонии друг с другом решая мелкие домашние проблемы. От чего их спасти? Правильно, не от чего. Тогда остается одно. Меня забросили в это королевство для диверсии!

Какие здесь девушки? Благовоспитанные, сдержанные, обученные танцам и пению, скромные, начитанные и т. д и т. п. Какая я? Противоположная! Разумеется, книги я читаю, особенно люблю фэнтезию про попаданцев. Но на этом наше сходство заканчивается. Кто-то, эх, знать бы точно – кто, решил запустить ложку дегтя, меня то есть, в бочку меда, в это королевство. Возникает резонный вопрос – зачем. Ответить? Пожалуйста! Для того чтобы все здесь испортить. Мной. Вот до чего додумалась! Следуя законам жанра, должно получаться ровно наоборот. Может быть, я не такая плохая, какой кажусь на первый взгляд?

– Эммануэль, – я зашла на кухню и взяла большие нож-

ницы из стола, – шить умеешь?

– Не-а, – ответила дебелая служанка, помешивая что-то в огромной сковороде.

– Вкусно пахнет!

– А то. Эт тебе не манка.

– Вкусно пахнет моей манкой! Вот она, кастрюлька, варит и варит. А что за бурду ты готовишь?

– Бараньи ребрышки в томатно-чесночном соусе.

– Гадость какая, – я подавилась слюной.

– Тогда я тебе кашу положу.

– Ты что?! Только попробуй!

Вот деревня! Никакой обходительности с господами!

– Талия, ты прищепки бы отдала. Нехорошо постиранное белье без прищепок оставлять, – покачала она головой. – Вот доктор Томпаз сегодня, когда к нам шел, в хозяйкиных панталонах запутался. Слетели они с веревки ему прямо на шляпу. Стыдоба!

– Доктор Томпаз? Уже пришел? Что же ты сразу не сказала?! Пойду, посмотрю на этого эротомана!

Я схватила со стола вазу с фруктами и понесла ее впереди себя. Ладно, с платьем позже разберусь. Сейчас главное оказать посильную помощь Микки. Кстати, а не за этим ли меня сюда переместили?!

Доктор Томпаз представлял из себя нашего учителя географии. Во всяком случае, сходство между ними было пора-

зительное! Оба высокие, худющие, сутулые, хмурые, небритые и недовольные окружающим миром. И голоса у них схожи! Я вспомнила как наяву:

– Архипова, иди к карте и покажи Оттаву. И не смотри на свою подругу Кольцову! Не оторву, Архипова, нужно показать, а город...на каком континенте?

– На самом дальнем, Семен Семенович.

– Вот и показывай!

– Показывайте язык, любезный друг Миканиэль, – доктор Томпаз восседал напротив Микки и старательно лез ему в душу. В горло, то есть.

Рядом с Микки сидела мачеха и с упоением смотрела на эскулапа, словно тот был готов сотворить с ее сыном чудо. Бедняжка, ее стоило пожалеть, чудес на свете не бывает. Не считая исключительных крайностей. Но это был не тот случай.

Микки сидел с обреченным видом и послушно открывал рот.

– Яблоки, персики, перезрелая слива? – я поставила вазу и радостно как последняя идиотка улыбнулась.

По моим наблюдениям, если хочешь расположить людей к себе, прикинься идиотом.

– Кто перезрелый? – отвлекся от разглядывания рта доктор.

– Слива! – торжественно произнесла я, подходя к нему ближе. – По секрету скажу вам, что конкретно ее брат не

рекомендую.

– Почему, голубушка? – доктор снял пенсне, протер его и снова водрузил на нос.

– От нее пучит.

– Кого?

Кто из нас идиот?

– Будет вас, если вы ее возьмете.

– Скушайте яблочко, дорогой доктор, – встряла мачеха, недовольно кивая мне в сторону дверей.

Я сделала вид, что не поняла ее намека.

– А от яблок урчит в животе.

– Неужели? – уставился на меня доктор. – А персики? Какой вред организму наносят эти, безобидные на первый взгляд, плоды?

– От персиков развивается аллергия. В запущенных случаях возможен отек Квинке.

– Тогда зачем вы принесли эти фрукты мне?!

– Сдуру.

– Что вы говорите? Какой интересный экземпляр! Голубушка, откройте рот и покажите язык!

И доктор Томпаз отвлекся на меня. Я подмигнула Микки, тот зажал рот рукой, чтобы не рассмеяться, и подмигнул мне.

– Доктор! – возмутилась мачеха, когда тот уже вовсю считал мои пломбы. – Вы пришли для того, чтобы разобраться с моим сыном! А не со служанкой!

– Я не служанка, доктор, она преувеличивает. Я избран-

ная гостья короля. Напоминаю, если некоторые об этом забыли!

– Изумительно, поразительно, – недоумевал эскулап.

– Что там еще такого? – недовольно пробрюзжала мачеха.

– В том-то и дело, что ничего особенного! Кроме зубов...

– О да, – вздохнула та, – девица действительно довольно зубаста. Какой кошмар!

– Совершенно обыкновенный язык, – отвлекся от созерцания моего рта доктор.

– Не может быть, – возразила мачеха, поморщившись. – Он должен быть у нее слишком длинным!

Они меня заинтриговали.

– А какой должен быть язык?

– Бледно розовым у здорового человека, – принялся охотно мне объяснять доктор. Его хмурый вид исчез, уступив место благодушному настроению. – У психически нездорового – от темно красного до синего... Вот как у господина Миканиэля...

– Синий язык?! – искренне удивилась я.

Миканиэль с удовольствием мне его продемонстрировал.

Черника! Я сразу догадалась, что он набрал горсть черники в лесу и съел ее перед приходом доктора. Когда я сорвала королю охоту, видела чернику под ногами.

– Запущенный случай, – согласилась я с доктором. – На грани бешенства.

– Какой ужас! Умоляю вас, доктор, спасите моего сына!

– Я пытаюсь, госпожа Грэм, пытаюсь. Я знаю, что Его величеству нужны солдаты, воины без страха и вредных привычек. Чем больше воинов, тем лучше....Леди, – он обратился ко мне, – с вами мы продолжим в другой раз.

– Свободна, Талия, – отмахнулась от меня мачеха.

Я пожала плечами, показывая Микки, мол, сделала все, что могла. Он развел руками. Мы понимали друг друга без слов.

– Любезный Миканиэль, ответьте на мои вопросы...

Я вышла из комнаты, но дверь оставила чуть приоткрытой. Подслушивать нехорошо? Еще хуже – оставаться в неведении!

– ...Вы по-прежнему испытываете неприязнь к противоположному полу?

Микки огорченно кивнул.

– И даже ...м-да...Какое впечатление на вас производит наша несравненная принцесса?

– Отвратительное!

– Какой вздор!

– Чес слово, ма. Я видел ее сегодня. Она напялила поверх голубого платья красный плащ. Тот самый, который вы дали Талии! Видели бы вы ее злую физиономию, ма.

– Принцесса видела плащ Талии?! Какой кошмар! Мне плохо! Доктора! Доктора!

– Я здесь. Нюхните соли и держите себя в руках, леди. Все не так катастрофично. Ваш сын всего лишь испытывает

неприязнь к девицам. Но у него нет влечения к мужчинам, и это говорит о том...

– О чем?! – воскликнули в один голос мачеха с Микки.

– О том, что он может с чистой совестью вступать в армию Его величества. Понимаете, неприязнь к девицам это юношеские комплексы...

На расстроенного вердиктом доктора Микки было больно смотреть.

– Он испытывает! – прокричала я и вошла.

– Талия? Какое невежество! Выйди вон!

– Постойте, леди Грэм. Что вы сказали, голубушка?

– Микки, прости меня, но я вынуждена признаться. Он испытывает симпатию...

– К кому?! – теперь хором поинтересовались все трое, резко наклонившись в мою сторону.

Я даже отступила на шаг.

– К коронованной особе! – выпала я.

– Что вы говорите?! – обомлел доктор.

– Все мы испытываем симпатию к коронованным особам, – возразила мачеха, расслабленно откинувшись в своем кресле. – Это обычное дело.

– Да, это обычная практика, – согласился с ней доктор.

Микки внимательно посмотрел на меня, требуя продолжения.

– Но... но не все коронованные особы симпатизируют нам!

– Что на это скажите, леди Грэм? – заинтересовался док-

тор.

– Какие глупости! Разумеется, они нам не должны симпатизировать. Кто они и кто мы...

– А коронованная особа симпатизирует Микки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.